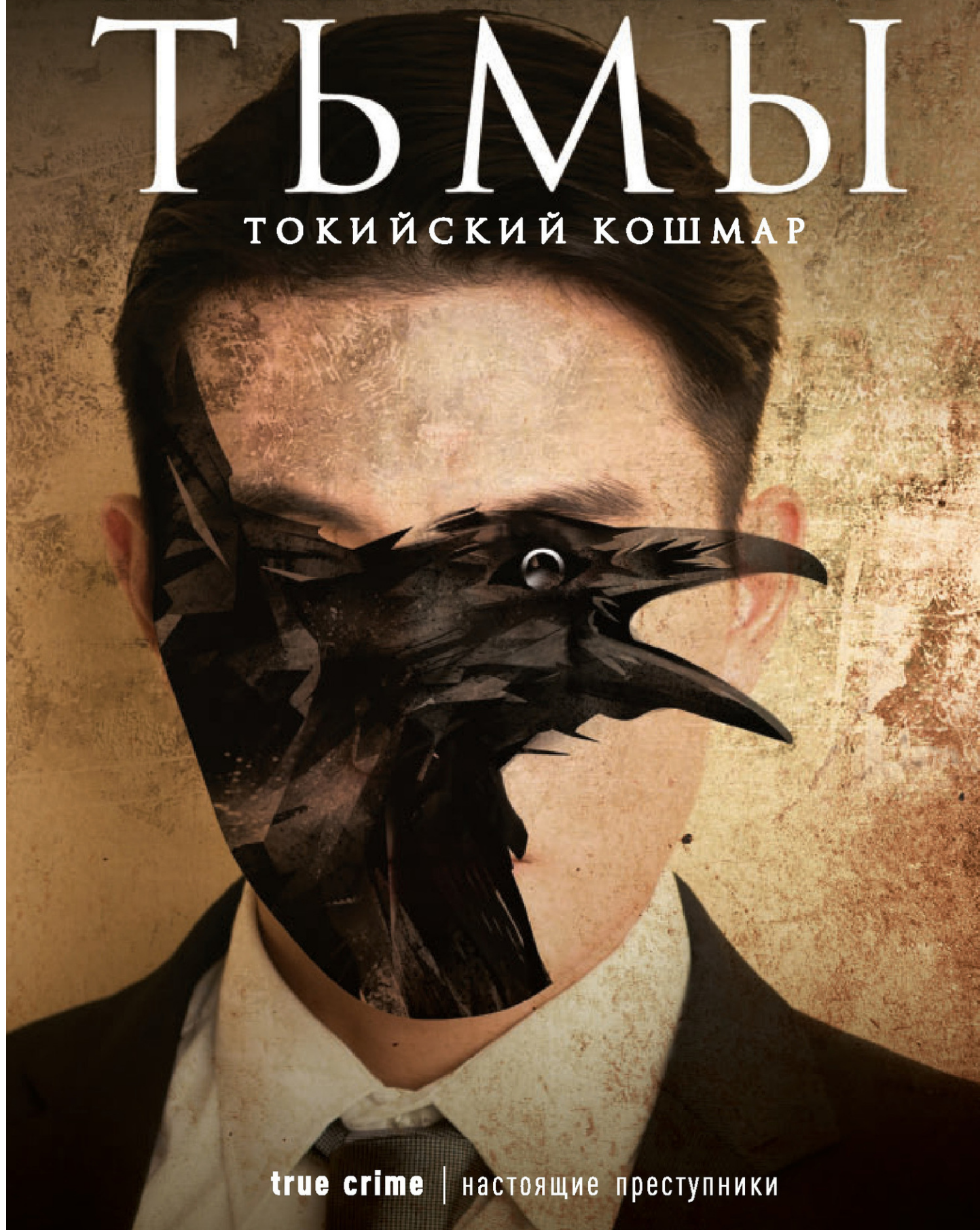

Топ-10 лучших книг года по версии Publishers Weekly

Ричард Ллойд Пэрри

ПОЖИРАТЕЛИ ТЬМЫ

ТОКИЙСКИЙ КОШМАР

true crime | настоящие преступники

Настоящие преступники

Ричард Ллойд Пэрри

**Пожиратели тьмы:
Токийский кошмар**

«РИПОЛ Классик»

2011

УДК 343.97
ББК 67.311

Пэрри Р.

Пожиратели тьмы: Токийский кошмар / Р. Пэрри — «РИПОЛ Классик», 2011 — (Настоящие преступники)

ISBN 978-5-386-12312-3

Люси Блэкман, молодая статная англичанка со светлыми волосами, летом 2000 года вышла на улицы Токио и бесследно исчезла. Следующей зимой в пещере на побережье нашли ее расчлененные останки. Книга британского журналиста, ставшего непосредственным участником событий, не только рассказывает об этом нашумевшем деле, но и скрупулезно исследует тонкие нюансы, отличающие европейский менталитет от японского. По мере расследования перед читателем разворачивается достоверная картина психологического климата Страны восходящего солнца, бесконечно чуждая и загадочная для всего остального мира.

УДК 343.97

ББК 67.311

ISBN 978-5-386-12312-3

© Пэрри Р., 2011
© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Пожиратели тьмы	6
Пролог	7
Часть I	17
Мир под правильным углом	17
Правила	24
Дальние рейсы	31
Часть II	40
Город с человеческим лицом	40
«Гейша! (шутка)»	46
Токио-город контрастов	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ричард Ллойд Пэрри

Пожиратели тьмы

Токийский кошмар

© Richard Lloyd Parry, 2011

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

Пожиратели тьмы

Посвящается маме и папе

Старики, тайком посещающие дом «спящих красавиц», не только горюют об ушедшей молодости, но и хотели бы предать забвению зло, совершенное ими в течение жизни... Некоторые добились успеха, совершая зло, и оберегали свой успех, нагромождая одно зло на другое. Такие не знают мира в душе, напротив, живут в вечном страхе и фактически потерпели духовное крушение. Когда они лежат здесь, прикасаясь к обнаженному телу спящей молодой женщины, из глубины их души поднимается не только страх перед надвигающейся смертью, не только печаль об утраченной молодости. Бывает, что охватывает раскаяние о содеянном зле. Другие были несчастливы в семейной жизни, что часто случается у удачливых людей. Вряд ли у этих стариков есть свой Будда, перед которым они могли бы преклонить колени и помолиться. Крепко обняв обнаженных красавиц, старики обливаются холодными слезами, захлебываются в рыданиях, кричат, но девушки ничего этого не знают и ни за что не проснутся. Старики их не стыдятся и не чувствуют себя униженными. Свободно изливают свои жалобы и печали. Так не является ли для них «спящая красавица» чем-то вроде Будды? Живого Будды! Молодые тела и запах девушек обещают им всепрощение и несут успокоение в их души.

Ясунари Кавабата. Спящие красавицы¹

¹ Перевод Л. Левыкиной. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.

Пролог Жизнь до смерти

MISSING

行方不明の英国人女性をさがしています。

ルーシー・ブラックマン
Lucie BLACKMAN

年 齢 : 21歳
身 長 : 175cm
体 格 : 中位
髪 の 色 : 金髪
瞳 の 色 : 青

7月1日(土)に、
東京で見かけられて以来、
行方が分かっていません。

A g e : 21 years
H e i g h t : 175cm Medium Build
H a i r C o l o r : Blonde
E y e C o l o r : Blue

She was last seen in Tokyo
on Saturday July 1st. Since
then she has been missing.

もし本人を見かけた方、または
何か情報をお持ちの方は
警視庁麻布警察署
tel. 03-3479-0110
または最寄りの警察窓口連絡を
お願いいたします。

If anyone has seen her, or has any
information relating to her, contact
Azabu Police Station
tel. 03-3479-0110
or your nearest police station.

ルーシー・ブラックマン(英国人女性)
Lucie BLACKMAN (British Female)

Разыскивается: Люси Блэкман Возраст: 21 год. Рост: 175 см, среднего телосложения.

Цвет волос: светлый. Цвет глаз: голубой.

В последний раз ее видели в Токио в субботу 1 июля.

С тех пор считается пропавшей без вести. Тел.03-3479-0110.

Если кто-нибудь ее видел или располагает информацией о ее местонахождении, обратитесь в полицейский участок Азабу.

Тел.03-3479-0110 или в ближайший к вам полицейский участок.

Люси Блэкман (англичанка)

Люси просыпается, как обычно, поздно. Яркие лучи дневного света пробиваются из-под штор на окне и пронизывают темную комнату – с невысокими потолками, тесную, бесцветную. На стенах висят постеры и открытки, вешалки перегружены блузками и платьями. На полу, на футонах лежат две девушки. У одной светлые волосы, у другой каштановые. Одна спит в футболке, другая голышом под простыней, потому что даже ночью слишком жарко и влажно, чтобы укрываться одеялом. На улице, на натянутых между домами телеграфных проводах, с карканьем дерутся вороны. Девушки легли спать в четыре утра. Сейчас на пластмассовом будильнике почти полдень. Голова с каштановыми локонами продолжает покоиться на подушке, а Люси поднимается, надевает халат и идет в ванную.

Она называет свой дом в Токио «помойкой», и ванная комната – одна из главных причин. В квартире живет полдюжины человек, не считая их ночных гостей; и ванная, забитая чужими вещами и мусором, представляет собой отвратительное зрелище. На краю раковины извиваются полупустые тюбики зубной пасты, на полу в душе киснут размокшие обмылки, а сливное отверстие забито мерзким комком волос, обрезков кожи и ногтей. Свои многочисленные и дорогие туалетные принадлежности, а также расчески, щетки и косметику, Люси никогда здесь не оставляет. Моется она долго и тщательно. Всегда в определенном порядке: намылить голову шампунем, ополоснуть, дальше кондиционер для волос, мочалка с мылом, полотенце, легкий массаж, скраб, очищение, увлажнение, питательный крем, пинцет для бровей, чистка зубов щеткой и зубной нитью и, наконец, сушка волос феном. Люси – само воплощение разницы между обычным утренним душем и «уходом за собой». Если вам некогда, занимать за ней очередь в ванную точно не стоит.

Что видит Люси, когда смотрится в зеркало? Гладкое симпатичное лицо, обрамленное натуральными светлыми волосами длиной чуть ниже плеч. Волевой подбородок; крепкие, ровные и белые зубы. Когда она улыбается, на щеках видны ямочки. Нос с закругленным кончиком, прямые, тщательно выщипанные брови и небольшие темно-голубые глаза с вытянутыми книзу уголками. Люси не нравятся ее «азиатские» глаза, и она часами торчит перед зеркалом, пытаясь их подправить. Такой разрез глаз и впрямь выглядит довольно неожиданно и экзотично у голубоглазой белокожей девушки спортивного телосложения.

Люси довольно высокого роста, 175 сантиметров. У нее пышная грудь и широкие бедра. Она тщательно следит за своим весом. В мае, когда Люси только переехала в Японию, поселилась в «помойке» и искала работу, она выглядела стройнее, чем сейчас. Но несколько недель ночных смен в клубе – и она снова «нагуляла» все сброшенные килограммы. В неудачные дни Люси считает себя уродиной. Ей кажется, что она раздулась и обвисла. Она ненавидит родимое пятно на бедре и темную родинку между бровей. Беспристрастный наблюдатель, пожалуй, наделил бы ее старомодными и слегка пикантными эпитетами «пышненькая» и «пригожая». Девушка с каштановыми волосами на другом футоне – лучшая подруга Люси Луиза Филлипс – обладает более традиционной привлекательностью: стройная, невысокая, с живыми чертами лица. Впрочем, большую часть времени, по крайней мере в обществе посторонних, Люси держится уверенно и непринужденно. Ее смех, жесты во время разговора, привычка встряхивать волосами и бессознательно дотрагиваться до человека, с которым она беседует, – все это придает ей обаяния и притягивает как женщин, так и мужчин.

Люси выходит из ванной. Чем она занимается дальше? Мы знаем, что девушка не делает записи в дневнике – забросила его почти две недели назад. Также она не звонит Скотту, своему парню, который служит на авианосце в портовом городе Ёкосука. Позже в ее личных вещах семья найдет неотправленную открытку, адресованную старинной подруге Саманте Берман, оставшейся в Англии. Так что, возможно, сейчас Люси как раз подписывает эту открытку: «Дорогая Сэмми, шлю весточку из Токио, просто чтобы сказать, как приятно было на днях поболтать с тобой. Я очень рада, что ты нашла славного друга / парня / приятеля (кем бы он ни был). Знаю, мне легче, ведь у меня теперь совсем другая жизнь, и воскресенья я провожу совсем иначе. Но, поверь, мне очень тебя не хватает, и мы скоро, хотя я не знаю, когда именно, обязательно встретимся – здесь, где я сейчас, или когда я вернусь домой. Обожаю тебя, ужасно скучаю и всегда буду скучать. С любовью, Лулу».

В половине второго внизу звонит телефон. Кто-то из соседей по квартире поднимает трубку и зовет Люси. В отличие от Луизы, у которой есть собственный мобильный телефон, подарок одного из клиентов, Люси приходится пользоваться установленным на кухне общественным таксофоном – громоздким розовым пластмассовым ящиком, в который забрасывают иены. Разговоры по нему слышны всем обитателям первого этажа. Но Люси недолго придется мириться с этой неприятной ситуацией – всего через несколько часов у нее появится собственный мобильник.

Луиза тоже проснулась и сидит в общей гостиной, пока подруга говорит по телефону. Разговор совсем недолгий. Это он, сообщает Люси Луизе, повесив розовую трубку. Перенес свидание с трех на час позже. Он еще позвонит, и они встретятся у станции. Потом пойдут пообедать, хотя обедом это уже не назовешь, но она вернется вовремя, до восьми, чтобы успеть на танцы с Луизой и еще одной девушкой из клуба. Люси снимает халат и выбирает наряд: черное платье, серебряная цепочка с хрустальной подвеской в форме сердца и часы от Армани. Солнечные очки лежат в черной сумочке. На часах уже больше трех. В 15:20 розовый телефон звонит снова. Он едет и будет на станции через десять минут.

Люси выходит на улицу; вороны хлопают крыльями и громко возмущаются. Девушка в очередной раз испытывает легкий шок, который знаком каждому иностранцу, живущему в Токио. Внезапное осознание, от которого сердце колотится чаще: я в Японии. Это чувство каждое утро застает Люси врасплох. То ли дело в том, под каким углом падает свет, то ли в звуках, которые витают в летнем воздухе. А может, в поведении людей на улице, в автомобилях и поездах, – все скромные и одновременно целеустремленные, аккуратные, вежливые, сдержанные, но сосредоточенные, будто на секретной службе.

Ни через годы, ни даже через десятилетия иностранцу не избавиться от нервного возбуждения, от каждодневного изумления, в которое приводит сам факт жизни в Японии.

«Помойка» – или официально Сасаки-хаус – представляет собой грязное оштукатуренное здание в конце глухой узкой улочки. Люси выходит из подъезда, поворачивает налево, минует еще более жалкий с виду жилой дом, детскую площадку с деревянными лесенками и старомодный ресторан, где подают рисовый омлет и карри. Затем среди окружающей серости вдруг вспыхивает драгоценный камень – классический театр Но с гладкими модернистскими бетонными стенами, окруженный лепной оградой и садом камней.

Люси поворачивает направо – и все вокруг резко меняется. Только что пейзаж напоминал обшарпанный пригород, но уже через пять минут Люси идет по одной из главных улиц большого города. Над головой по высокой эстакаде бегут рельсы электрички и скоростная автомагистраль. Еще 450 метров – и будет станция «Сэндагая», где маршруты автобусов пересекаются с линиями метро и пригородных поездов. В субботний день здесь шумно и оживленно от наплыва транспорта и людского потока. Перед зданием станции черед дорогу от Олимпийского стадиона мельтешат пешеходы в рубашках с короткими рукавами и летних платьях. Он ждет Люси здесь, напротив полицейского участка; его машина стоит неподалеку.

Незадолго до ухода Люси Луиза тоже отправляется по своим делам: обменять туфли в Сибуе, самом большом торговом районе на юго-западе Токио. Она садится в поезд до станции «Сибуя», где девять разных линий ежедневно перевозят 2,5 миллиона пассажиров и где Луиза сразу же теряется. Она растерянно бродит в субботней толпе мимо магазинов и ресторанов, которые, несмотря на головокружительное разнообразие, все же умудряются быть похожими один на другой. Девушка теряет немало времени, но наконец находит нужный универмаг и затем устало возвращается на станцию.

В несколько минут шестого у нее звонит телефон. На экране высвечивается: «Неизвестный абонент». Но это Люси, которая должна бы уже торопиться домой, чтобы успеть привести себя в порядок перед танцами. Однако она звонит из автомобиля. Говорит, что едет «к морю», где они пообедают (хотя для обеда уже слишком поздно). Но планы на вечер остаются прежними, говорит Люси подруге; она вернется домой вовремя, через час-другой она снова позвонит и уточнит время. Судя по голосу, она довольна и весела, хоть и сдерживает эмоции, по привычке опасаясь, что разговор подслушают. Она объясняет Луизе, что звонит с его мобильного телефона, так что не может долго болтать.

Позже Луиза скажет, что такой поворот ее немало удивил: совсем не в характере Люси садиться в машину к чужому мужчине и выезжать с ним за пределы Токио. А вот звонок как раз в ее духе. Люси и Луиза знакомы с детства и очень крепко дружат. Они созваниваются просто ради того, чтобы услышать друг друга, убедиться во взаимной близости и доверии, даже когда сказать особенно нечего.

Стоит безумно жаркий и влажный летний день. Луиза заходит в их любимый с Люси универмаг «Лафорет» и покупает яркие наклейки и блески для лица, чтобы прихорошиться для дискотеки. Садится солнце и наступает вечер, сумерки обволакивают мрачные обшарпанные жилые дома и зажигают неоновые огни ресторанов, баров и клубов, которые сулят всевозможные удовольствия.

Проходит два часа.

В шесть минут восьмого, когда Луиза уже дома, у нее снова звонит мобильный. Это Люси. Она возбуждена и в приподнятом настроении. Он такой милый, уверяет она. Как и обещал, подарил ей новый мобильный телефон и бутылку шампанского «Дом Периньон», которую они с Луизой потом выпьют вместе. Где она, непонятно, а подруга не догадывается спросить. Но Люси обещает вернуться в течение часа.

В семнадцать минут восьмого Люси звонит по мобильному своему парню Скотту Фразеру, но попадает на автоответчик. Она оставляет короткое радостное сообщение, обещая встретиться с ним завтра.

А потом Люси исчезает.

В Токио начинается субботний вечер, но не будет ни дискотеки с подругами, ни свидания со Скоттом. Не будет больше ничего. То сообщение, сохраненное в банке данных телефонной корпорации и автоматически удаленное через несколько дней, – последний живой след Люси.

Когда Люси не вернулась, как обещала, Луиза сразу же забила тревогу. Позже это вызвало подозрения: почему Луиза так рано и так активно запаниковала? Соседи по квартире, которые курили марихуану в гостиной, не могли понять ее беспокойства. Всего через час с небольшим после предполагаемого времени возвращения Люси Луиза уже звонила своей матери Моурин Филлипс в Британию.

– С Люси что-то случилось, – заявила девушка.

После этого она поехала в ночной клуб «Касабланка» в злачный район Роппонги, где они обе работали.

– Я помню тот день, первое июля, очень хорошо, – рассказывал мужчина, который был клубе в тот момент. – Дело происходило в субботу вечером, у Люси и Луизы был выходной. Их

обеих не ждали на работе. Еще было довольно рано, когда вдруг приехала Луиза и сообщила: «Люси пропала. Поехала на встречу с клиентом и не вернулась». Вообще-то ничего удивительного, ведь было всего восемь-девять вечера. Я сказал: «Все нормально, чего тут странного, Луиза? Почему ты так волнуешься?» – «Люси всегда возвращается вовремя, а иначе обязательно мне звонит», – объяснила она. И это правда. Что бы ни произошло, они знали друг о друге все.

Девушек связывали действительно близкие отношения.

Луиза сразу же почуяла неладное.

Луиза названивала в клуб всю ночь в надежде услышать новости о Люси, но никто ничего не знал. Она обошла все бары и клубы Роппонги, где они обычно бывали с Люси: «Пропганда», «Дип блю», «Токио спорте кафе», «Джеронимо». Девушка расспрашивала о своей подруге людей, которые раздавали листовки на перекрестках. Затем она взяла такси до района Сибуя и зашла в клуб «Фура», куда они собирались вместе той ночью. Она знала, что подруги там нет, – с чего бы Люси идти туда одной раньше времени, не заглянув домой или хотя бы не позвонив? Но Луиза не знала, что еще предпринять.

Почти всю ночь шел дождь – теплый токийский летний ливень, от которого становится только жарче. Когда рано утром в воскресенье Луиза вернулась в Сасаки-хаус, уже рассвело. Девушка обошла все бары, какие только смогла вспомнить. Дома она не нашла ни самой Люси, ни сообщений от нее.

Луиза позвонила Кацу – японцу, который работал в «Касабланке» официантом, – и они стали вместе думать, как быть. Кац обзвонил несколько крупнейших больниц, но нигде о Люси не слышали. Может, предположил он, Люси решила провести ночь со щедрым клиентом и просто забыла предупредить? Луиза с ходу отмела эту вероятность: лучшие подруги так не поступают.

Следующим разумным шагом было обращение в полицию. Но у такого шага имелись и свои подводные камни. Люси и Луиза приехали в Японию по туристической девятистодневной визе, которая однозначно не предполагала разрешения на работу. Вообще-то, в такой же ситуации были большинство девушек-иностранок из клубов Роппонги: и сами хостес, и их наниматели нарушали закон.

Утром в понедельник Кац с Луизой все-таки отправились в полицейский участок Азабу в Роппонги и сообщили об исчезновении человека. Они заявили, что Люси просто туристка, прилетела в Токио в отпуск, поехала за город с местным мужчиной, с которым недавно познакомилась, и до сих пор не вернулась. Они не упомянули ни работу в качестве хостес, ни клуб «Касабланка», ни его клиентов.

Полиция не проявила особого интереса к их заявлению.

В три часа дня Луиза отправилась в британское посольство в Токио. Там она встретилась с вице-консулом, шотландцем Йеном Фергюсоном, которому изложила уже полную версию событий. Фергюсон стал первым из тех, кому обстоятельства, при которых Люси уехала в тот день из города, показались странными.

«Я поинтересовался, что известно о клиенте, и очень удивился, не получив никаких сведений, – записал он на следующий день. – По словам Луизы, с разрешения начальства работающие в клубе девушки раздают всем свои визитки, и клиенты часто назначают личные встречи. Мне с трудом верилось, что клуб позволяет сотрудницам встречаться с клиентами, о которых ничего не известно. Но Луиза продолжала настаивать. И разумеется, Люси не сказала подруге ни имя клиента, ни марку автомобиля, ни даже куда они поехали, только упомянула, что на море...»

Фергюсон расспросил Луизу о том, какой Люси человек. Капризна, непредсказуема, ненадежна? Наивна, легко поддается чужому влиянию?

«Луиза нарисовала четкий портрет, – писал он, – уверенной в себе, выдавшей виды и вполне разумной девушки, которая отличалась здоровыми представлениями о жизни и никогда по глупости не ввязалась в опасную авантюру. Почему же тогда она села в машину совершенно незнакомого человека? Луиза не могла объяснить поведения подруги, повторяя, что оно совершенно не характерно для Люси».

По части глупостей, совершаемых британцами за границей, нет никого опытнее сотрудника консульства. И кому, как не ему, знать, что обычно причина «исчезновения» молодых людей вполне предсказуема и прозаична: ссора друзей или любовников, наркотики, алкоголь или секс. Но в тот день Люси дважды звонила Луизе, чтобы сообщить о своем местонахождении. Она даже предупредила, что вернется в течение часа, поэтому трудно понять, почему она не позвонила еще раз, если планы вдруг изменились. Йен Фергюсон связался с полицейским участком Азабу и заявил, что консульство чрезвычайно обеспокоено судьбой Люси. Он потребовал рассматривать ее случай не просто как исчезновение человека, но как вероятное похищение.

Луиза вышла из консульства. Прошло два дня с тех пор, как подруга пропала, и девушка почти не спала. Ее терзали неизвестность и беспокойство. Ей было невыносимо оставаться одной в комнате, где они жили с Люси, и она отправилась в гости к их общему другу, где собирались и остальные знакомые Люси.

Около половины шестого мобильный телефон зазвонил снова, и Луиза судорожно схватила трубку:

- Да?
- Луиза Филлипс? – послышался голос.
- Да, это Луиза. С кем я говорю?
- Меня зовут Акира Такаги. Вообще-то, я звоню по просьбе Люси Блэкман.
- Люси! Боже мой, где она?! Я так волновалась. Она с вами?
- Да, она здесь, со мной. У нее все в порядке.
- О господи, слава богу! Дайте ей трубку. Мне необходимо с ней поговорить.

Голос принадлежал мужчине. Человек изъяснялся на хорошем английском, но с ярко выраженным японским акцентом. Спокойный и сдержанный, он говорил только по существу и был почти дружелюбен, даже когда Луиза запаниковала и расстроилась.

– Ее нельзя сейчас беспокоить, – пояснил собеседник. – Вообще-то она в нашей спальне. Она изучает и практикует новый образ жизни. На этой неделе ей нужно еще очень многому научиться. Не стоит ее отвлекать.

Ужасно волнуясь, Луиза беззвучно шепнула друзьям: «Это он» – и замахала руками, требуя жестом бумагу и карандаш.

- Кто вы? – спросила она. – Это с вами Люси уехала в субботу за город?
- Я познакомился с Люси в воскресенье. В субботу она встречалась с моим учителем, лидером нашей группы.
- Вашим учителем?
- Да, учителем. Они познакомились в поезде.
- Но ведь она... Когда я говорила с ней, она ехала в машине.
- Были такие ужасные пробки, а она не хотела опаздывать на встречу с вами. Поэтому предпочла ехать поездом. Как раз перед тем, как сесть в вагон, она встретила моего учителя и приняла судьбоносное решение. Так или иначе, в тот вечер она согласилась вступить в его секту.
- В секту?
- Да.
- О чем вы говорите, какую секту? Что... Где Люси? Где находится секта?

– Это в Тибете.

– Как? Повторите. Можете произнести по буквам?

– В Тибете. Т-И-Б-А.

– Тибета, Тибета. А... как называется секта?

– Новое воскрешение.

– Как? Что за...

– Новое воскрешение. – Мужчина спокойно произнес по буквам и это название.

Луиза была в смятении.

– Я должна поговорить с Люси, – заявила она. – Позовите ее к телефону.

– Она сейчас не очень хорошо себя чувствует, – возразил мужчина. – Да и вообще не хочет сейчас ни с кем разговаривать. Возможно, она свяжется с вами в конце недели.

– Пожалуйста, – взмолилась Луиза, – я вас очень прошу, дайте мне с ней поговорить.

Но в трубке стало тихо.

– Алло! Алло! – кричала Луиза, но ответа не было.

Она уставилась на маленький серебристый телефон, который держала в руке.

Через несколько мгновений он вдруг снова зазвонил.

Трясущимися пальцами девушка нажала кнопку приема вызова.

– Прошу прощения, – произнес тот же голос, – должно быть, связь пропала. Люси не может сейчас говорить. Ей нехорошо. Возможно, она пообщается с вами в конце недели. Но она начала новую жизнь и не вернется к вам. Я знаю, что у нее много долгов, шесть или семь тысяч фунтов. Но она выплачивает их наилучшим образом. Короче, она просто хотела сообщить вам и Скотто, что у нее все в порядке. Она начинает новую жизнь. – Собеседник отчетливо сказал «Скотто»: так японцы произносят непривычное английское имя «Скотт». – Она написала письмо в «Касабланку», что не вернется на работу.

Последовала пауза. Луиза начала всхлипывать.

– Какой у вас адрес? – поинтересовался мужчина.

– Мой адрес...

– Адрес вашей квартиры в Сэндагае.

– Зачем... зачем вам мой адрес?

– Я хочу отправить вам кое-что из вещей Люси.

Луизе стало страшно: если раньше она волновалась только за подругу, но тут ее охватил страх и за себя.

«Выпытывает, где я живу, – подумала она. – Он придет за мной».

Вслух она сказала:

– Но ведь Люси знает адрес. Ей известно, где мы живем.

– Она сейчас плохо себя чувствует и не может вспомнить.

– Тогда и я не могу.

– Понятно... Может, в таком случае скажете, что находится рядом с вашим домом?

– Нет-нет, не помню.

– А какая улица? Название улицы?

– Нет, я...

– Но мне надо вернуть ее вещи.

– Я забыла адрес...

– Если это так сложно, не стоит беспокоиться.

– У меня вылетело из головы...

– Ничего. Не волнуйтесь.

Луизу охватила паника. Она больше не могла сдерживать эмоции. Рыдая, она передала трубку своему другу-австралийцу, который жил в Токио уже много лет.

– Алло, – сказал тот по-японски. – Где Люси?

Но через несколько секунд он вернул телефон:

– Он будет говорить только по-английски и только с тобой.

Луиза собралась с мыслями. Она понимала: чтобы выяснить местонахождение Люси, надо поддержать разговор.

– Алло, – произнесла она. – Это снова Луиза. А я могу вступить в вашу секту?

Голос ответил не сразу:

– Какой религии вы придерживаетесь?

Луиза ответила:

– Я католичка, но Люси тоже католичка. Я не прочь сменить вероисповедание и тоже хочу начать новую жизнь.

– Вообще-то, это зависит от Люси. От ее мнения. Но я подумаю.

– Пожалуйста, позвольте мне поговорить с Люси, – сделала Луиза еще одну отчаянную попытку.

– Я поговорю с учителем и спрошу у него разрешения.

– Пожалуйста, дайте мне с ней поговорить! – закричала Луиза. – Я умоляю вас, пожалуйста, передайте ей трубку.

– Так или иначе, мне пора, – заявил мужчина. – Простите. Я просто должен был сообщить, что вы больше ее не увидите. До свидания.

И связь снова оборвалась.

Люси пропала в субботу, 1 июля 2000 года, в середине первого года XXI века. Весть об ее исчезновении распространилась только через неделю. В следующее воскресенье, 9 июля, одна британская газета дала короткую заметку об исчезновении туристки Люси Блэкман (причем даже имя напечатали с ошибкой). На следующий день в других британских и японских изданиях появились более подробные сообщения. Там упоминались Луиза Филлипс и сестра Люси, Софи Блэкман, которая вылетела в Токио на ее поиски, а также отец девушки Тим, тоже собиравшийся приехать. В статьях говорилось о пугающем телефонном звонке и высказывались смутные предположения, что жертву похитили участники секты. Авторы пары статьей опасались, что ее насильно вовлекли в проституцию. Поначалу Люси называли стюардессой авиакомпании «Бритиш эйруэйз», но в более поздних статьях уже упоминали как «работницу бара» или «хостес» в «токийском квартале красных фонарей». Тут за сюжет ухватилось японское телевидение, и съемочные бригады стали рыскать по всему Роппонги в поисках светловолосых иностранок. Сочетание молодого возраста пропавшей, ее национальности, цвета волос и характера занятий привело к тому, что достаточно обычное происшествие переросло в сенсацию. Теперь обойти его вниманием было просто невозможно. За сутки в Токио вылетели двадцать британских репортеров и фотографов, а также пять бригад разных телеканалов. Они приступили к расследованию вместе с десятком корреспондентов и внештатных журналистов, постоянно проживающих в Японии.

В тот же день распечатали и распространили по всей стране – главным образом в Токио и Тибете, префектуре к востоку от столицы, – тридцать тысяч объявлений.

Крупный заголовок гласил: «Разыскивается», сбоку шел двуязычный текст (на японском и английском), а внизу значилось: «Люси Блэкман (англичанка)».

Дополняла объявление фотография пропавшей крупным планом: Люси сидит на диване в коротком черном платье, у нее светлые волосы, застенчивая улыбка открывает белые зубы. Камера смотрит на нее сверху вниз, отчего лицо кажется по-детски округлым. Благодаря крупной голове, длинным волосам и острому подбородку девушка из объявления очень напоминает Алису в Стране чудес.

К тому времени Люси Блэкман уже была мертва. Она умерла еще до того, как я узнал, что такая девушка вообще жила на свете. Впрочем, именно из-за ее гибели – или исчезновения, потому что в тот момент других сведений не было, – я и заинтересовался ею. Я работал корреспондентом британской газеты и жил в Токио. А Люси Блэкман, молодая англичанка, пропала в этом городе – так что поначалу я счел ее историю всего лишь отличным материалом.

С самых первых дней сюжет оказался запутанным, а потом и вовсе превратился в настоящую головоломку. Вокруг трагической фигуры Люси, жертвы преступления, позднее развернулось бурное и ожесточенное судебное разбирательство. История привлекла немало внимания в Японии и Британии, но смущала своей противоречивостью и непоследовательностью. Иногда по несколько месяцев никто не проявлял к делу Люси никакого интереса, но затем появлялись новые подробности, которые немедленно требовали освещения в новостях и разъяснений. В общих чертах историю знали все: пропала девушка, тело найдено, мужчина осужден. Однако, если копать глубже, дело представлялось настолько сложным и запутанным, чреватым неожиданными поворотами и мистическими событиями, что обычных репортажей уже не хватало. Они лишь вызвали новые вопросы, на которые не было ответов.

Именно неоднозначность, выходящая далеко за рамки привычных новостных материалов, и сделала историю Люси такой захватывающей. Она терзала сердце – и четыре газетные колонки или трехминутный телевизионный сюжет не могли его успокоить. Эта трагедия поразила меня, и даже спустя много месяцев я не смог забыть Люси Блэкман. И я решил расследовать ее дело с самого начала, этап за этапом, чтобы попытаться отыскать какую-то логику и ясность в его поворотах, узлах и нестыковках. Это заняло у меня десять лет.

Я прожил в Токио большую часть своей взрослой жизни, путешествовал по всей Азии и за ее пределами. Освещая в репортажах стихийные бедствия и войны, я повидал на своем веку немало бед и горестей. Но в деле Люси я столкнулся с той сферой жизни, о существовании которой даже не подозревал. Исчезновение Люси словно дало мне ключ к потайной двери в знакомой комнате – двери, за которой прячется пугающая, жестокая, чудовищная реальность. Увидев ее своими глазами, я смутился и растерялся. Получалось, что я, опытный репортер, упустил из виду важный аспект жизни города, о котором знал почти все. Вернее, только думал, что знал.

Только когда общественность стала забывать о Люси, я разглядел в ней не только героиню репортажа, но и человека. Я встречался с ее родственниками, когда они прилетали в Японию. Будучи криминальным репортером, поначалу я столкнулся с их предусмотрительным недоверием, позже переросшим в сдержанное дружелюбие. Затем я вернулся в Британию и навестил семью Блэкманов на родине. Я разыскал друзей и знакомых из разных периодов жизни Люси. Одна ниточка тянула за собой другую, а те, кто при первой встрече не горел желанием общаться, со временем разговорились. К родителям, сестре и брату Люси на протяжении многих лет я заходил неоднократно. Суммарная продолжительность наших бесед составила бы несколько суток.

Мне казалось, что собрать основные факты о человеке, жизнь которого оборвалась на двадцать первом году, будет нетрудно. На первый взгляд, Люси Блэкман ничем не отличалась от миллионов других девушек: молодых представительниц среднего класса с юго-востока Англии со средним достатком и образованием. Биографию Люси вообще можно охарактеризовать как «среднюю», «обычную». Пока что самым необычным фактом ее жизни выглядел трагический финал. Но чем больше я узнавал, тем запутаннее становилась картина.

Каждый по собственному опыту может заключить, что в двадцать один год Люси уже обладала слишком многогранным характером, чтобы кто-нибудь, пусть даже самый близкий человек, мог понять эту девушку целиком и полностью. Каждый видел ее чуть по-своему. К моменту окончания детства ее личность превратилась в сложное переплетение убеждений, эмоций и желаний, зачастую противоречивых. Люси была преданной, честной – и способной

на обман. Она была уверенной в себе, надежной – и ранимой. Она была простой и загадочной, открытой и замкнутой. Как биограф я чувствовал себя беспомощным, просеивая факты и увязывая одно с другим в попытке сложить из деталей целую жизнь. Я с большим интересом изучал человека, которого никогда не знал и, возможно, не узнал бы, даже не заметил, если бы не вмешалась смерть.

Всего за несколько недель после исчезновения тысячи и тысячи людей узнали имя Люси Блэкман и ее лицо – или хотя бы портрет, который появился в газетах и на телевидении, Алису с плаката, пропавшую без вести. Для них она была жертвой, почти бесплотным символом трагического сюжета: молодая женщина находит жуткую смерть в экзотической стране. Но я надеюсь, что мне удастся воздать должное Люси Блэкман и почтить ее память, показав ее нормальным человеком, девушкой с непростым, но славным характером, у которой была своя полноценная жизнь.

Часть I Люси

Мир под правильным углом

Даже позже, когда Джейн, матери Люси, было трудно найти что-нибудь хорошее в собственном муже, она признавала, что однажды Тим Блэкман спас жизнь их дочери.

Тогда Люси был год и девять месяцев, и они всей семьей жили в арендованном доме в маленькой деревне в графстве Суссекс. С младенчества девочка страдала от жестоких приступов тонзиллита, из-за которого поднималась температура и воспалялось горло. Родители обтирали ее водой, чтобы охладить, но жар не проходил, а когда болезнь все-таки отступала, через несколько недель все начиналось заново. Однажды Тим пришел пораньше с работы, чтобы помочь Джейн ухаживать за больным ребенком. Ночью он проснулся от крика жены, которая встала, чтобы проверить, как там дочка.

Когда Тим вошел в детскую, Джейн уже бежала вниз по лестнице.

– Люси лежала в кроватке и не шевелилась, вся холодная, – рассказывал Тим. – Я схватил ее и положил на пол, и она синела прямо на глазах, приобретая жуткий иссиня-серый оттенок. Видимо, кровь перестала циркулировать по телу. Я не знал, что делать. Я обнимал ее на полу, а Джейн вызывала по телефону скорую помощь. Люси не издавала ни звука, не дышала. Я попытался открыть ей рот. Челюсти были плотно стиснуты, но двумя руками я все-таки разжал их

и держал рот открытым, придерживая большим пальцем челюсть, а остальными достал запавший язык. Я не знал, правильно поступаю или нет, но пытался хоть что-то сделать, поэтому наклонил голову дочери набок, вдохнул ей в ротик воздух и надавил на грудную клетку, чтобы он вышел, снова вдохнул и надавил, и тут она начала дышать самостоятельно. Мне было худо от страха и волнения, но скоро я увидел, как у нее розовеет кожа, а к тому времени уже приехала скорая помощь и бригада спешила по маленькой узкой лестнице, прекрасные крепкие парни с массивным грохочущим оборудованием, мне они показались огромными, размером с наш дом. Они разобрали носилки, уложили на них Люси, спустили вниз и занесли в машину. И все обошлось.

У Люси случились фебрильные судороги и мышечный спазм из-за высокой температуры и обезвоживания, в результате у нее запал язык, не давая свободно дышать. Еще несколько минут, и она умерла бы.

– В тот момент я понял, что хочу еще детей, – признался Тим. – Осознал со всей ясностью. Я думал об этом и раньше, когда Люси только родилась. Но в те минуты я понял, что не переживу потери единственного ребенка.

Люси родилась 1 сентября 1978 года. В переводе с латыни ее имя означает «свет», и, даже когда малышка подросла, по словам ее матери, она стремилась к яркому свету, а в темноте чувствовала себя плохо, поэтому даже на ночь включала в своей комнате все лампы.

Роды у Джейн длились шестнадцать часов, и их пришлось стимулировать. Плод располагался поперек, и из-за тазового предлежания процесс родов был очень болезненным. Однако малышка весом три килограмма шестьсот граммов родилась здоровой, и молодые родители испытали невероятное, хоть и трудно доставшееся, счастье появления на свет первенца.

– Я была счастлива, абсолютно счастлива, – признавалась Джейн. – Впрочем, думаю, когда становишься матерью... Мне только хотелось, чтобы моя мама была рядом, ведь я так гордилась тем, что у меня появился ребенок. Но ее не было, поэтому к радости примешивалась грусть.

Детство у Джейн вообще выдалось грустным. Да и взрослая жизнь была отмечена сокрушительными потерями, привившими женщине склонность к горькому и мрачному черному юмору, направленному то на самобичевание, то на яростную самозащиту. Джейн было далеко за сорок, когда я с ней познакомился. Я увидел стройную привлекательную женщину с короткими русыми волосами и резкими строгими чертами лица. Одевалась она аккуратно и скромно, глаза обрамляли длинные пушистые ресницы, но вместо девичьей мягкости в ее взгляде отчетливо сквозили уверенность в собственной правоте и абсолютная нетерпимость к дуракам и снобам. В душе Джейн шла непрерывная борьба между гордыней и жалостью к себе. Она напоминала лису, упрямую изящную лису в темно-синей юбке и жакете.

Ее отец руководил киностудией, и Джейн с младшими братом и сестрой росла в дальнем предместье Лондона. Жизнь среднего класса была строгой и довольно унылой: работа по дому, обучение хорошим манерам за столом и ежегодные летние каникулы на ветреном английском побережье. Когда Джейн исполнилось двенадцать, семья переехала в Южный Лондон. Утром первого дня в новой школе девочка вошла в спальню матери, чтобы поцеловать ее на прощание, и застала ее спящей после бессонной ночи от головной боли.

– Я сразу поняла, что произойдет нечто ужасное, – рассказывала Джейн. – И спросила отца: «Она же не умрет?» Он ответил: «Нет, что за глупости, конечно же нет». Когда я пришла домой из школы, мама уже умерла. У нее обнаружилась опухоль мозга. С тех пор отец так и не оправился. Он был сломлен, полностью разбит, и мне пришлось стать сильной. Тогда и закончилось мое детство.

Матери Джейн на момент смерти было сорок.

– По будням о нас заботилась бабушка, по выходным папа, – рассказывала она. – Помню, как он все время плакал.

Однако через год и три месяца после смерти супруги он женился на молодой женщине, которой не исполнилось и тридцати. Джейн пришла в ужас.

– Ведь у него было трое детей, и он даже с ними не справлялся. Настоящий кошмар. На самом деле я мало что помню из детства. Когда испытываешь шок и претерпеваешь такую боль, мозг стирает все из памяти.

В пятнадцать лет Джейн бросила школу. Она окончила курсы секретарей и нашла работу в большом рекламном агентстве. В девятнадцать она отправилась с подругой на Майорку и прожила там полгода, работая на автомойке. Тогда в Испанию приезжало не так много туристов из Британии, и Балеарские острова считались редким экзотическим направлением. Там отдыхал известный футболист из клуба «Манчестер юнайтед» Джордж Бест.

– Я с ним не встречалась, но видела его в барах в окружении красавиц, – рассказывает Джейн. – Сама я держалась слишком благоразумно и осторожно. У меня прямо-таки на лбу было написано: «Целомудрие». Пусть все вокруг веселились, но только не я. В общем, скукота.

Однажды на Майорке целомудрие Джейн подверглось испытанию в лице едва знакомого парня, который появился у ее входной двери и попытался поцеловать.

– Я оскорбилась до глубины, потому что почти не знала его, вдобавок дело происходило среди бела дня. Думаю, паренек был из Швеции. И хотя я не давала ему никакого повода, впредь стала вести себя еще осторожнее. Я наслаждалась солнцем и морем, много гуляла, но не могу сказать, что отрывалась на Майорке, потому что я сохраняла благоразумие. До свадьбы у меня вообще никого не было.

С Тимом Джейн познакомилась в двадцать один год. Тогда она жила с отцом и мачехой в городке Чизлхерст в Бромли, одном из пригородов Лондона. Тим Блэкман был старшим братом приятеля Джейн, и ей о нем все уши прожужжали.

– Мне говорили: «Вот отличный парень, – вспоминала она. – Идеальная пара».

Тим только что вернулся с юга Франции, где жил со своей девушкой-француженкой.

– Когда он все-таки начал со мной флиртовать, я бросила на него свой ледяной взгляд, – рассказывала Джейн. – Наверное, он впервые получил отказ от девушки и счел меня недотрогой. Но, если честно, мне просто не хватало опыта. Вокруг множества моих очень красивых подруг постоянно крутились мужчины, а я на дискотеках обычно сторожила сумочки. Тим не мог понять, почему я не попала к нему на крючок, а мне не верилось, что мной кто-то заинтересовался. Видимо, поэтому все и закончилось женитьбой.

Свадьба состоялась через полтора года, 17 июля 1976 года, когда Тиму исполнилось двадцать три.

Блэкман заправлял обувным магазином в соседнем городке Орпингтон, последним из сети, которую когда-то развернул его отец по всему юго-востоку. Но магазин обанкротился, и Тиму пришлось полгода жить на пособие по безработице. Он содержал молодую семью благодаря случайным заработкам, помогал друзьям в качестве внештатного художника и декоратора.

– Мы жили от зарплаты до зарплаты, – признавался он. – Начало восьмидесятых стало очень трудным, тяжелейшим периодом. Мы не знали, где взять очередные пятьдесят фунтов. Но мы вместе с малышкой обитали в чудесном доме в стиле Лоры Эшли², и жизнь была прекрасна. Приятно вспоминать детство Люси.

В мае 1980 года, меньше чем через два года после рождения первого ребенка, на свет появилась Софи, а еще через три года – Руперт. Тим нашел партнера по бизнесу и, оставив стезю декоратора, занялся строительством. В 1982 году семья переехала на несколько кило-

² Известный дизайнер интерьеров в классическом английском стиле.

метров севернее, в симпатичный спальный район городка Севеноукс. Здесь их мытарствам пришел конец, и Джейн смогла создать для собственной семьи атмосферу, о которой всегда мечтала сама: цветы, красивые платья и детский смех.

Коттедж, в котором они жили, – Джейн окрестила его «Маргариткой», – смотрел прямо на частную среднюю школу Грэнвилл, очень престижное учебное заведение. Оно воплощало все мечты Джейн: идеальное место даже для самых застенчивых детей, о котором каждый выпускник вспоминает с улыбкой. Девочки начиная с трехлетнего возраста носили форму, платья в голубую клетку и серые шерстяные шапочки с помпоном, а на весенние праздники украшали голову венками из цветов. В школьное расписание входило обучение реверансам и танцам вокруг Майского дерева³.

– Окна нашей спальни выходили прямо на детскую площадку, – вспоминала Джейн. – Просто идеальное расположение: Люси играла, а потом подходила к окну и махала мне рукой, а я махала ей в ответ.

Школа словно сошла со страниц старинной детской книжки с картинками.

– Мы как будто очутились в стране грез, а не в реальном мире, – объясняла Джейн.

Люси с самого раннего детства отличалась сознательностью и серьезностью, вызывающей улыбки у взрослых. Однажды Джейн попросила ее почистить горох, и девочка, внимательно изучая каждую горошину, отбраковывала все, которые, по ее мнению, страдали изъятиями. Она любила играть в куклы и, устроившись рядом с матерью, прикладывала к груди пластмассового пупса, когда Джейн кормила Софи.

– Она была такой щепетильной во всем, такой чистенькой и аккуратной, – говорила Джейн. – Как и я с самого детства.

Софи, напротив, отличалась капризным характером и склонностью к хандре, которую старшая сестра умела мягко развеять. Сестры спали на большой старомодной кровати; как-то в Пасхальное воскресенье они целый день провели под ней: ели, читали книжки с картинками, играли в куклы.

Школьные тетрадки Люси доказывают, что Джейн удалось создать для своих детей невинный и счастливый мир. Вот одно из первых ее сочинений:

Имя: Люси Блэкман

Тема: Новости

20 мая, понедельник

Сегодня папа заберет меня из школы, и мы поедем домой, и я надену платье от Лоры Эшли, оно серое и галубое с мелкими цветочками, а потом я собираюсь в гости к Теско и принесу Джемме подарок, но не знаю, что ей подарить на день рождения, у нее четыре подруги: я, Селия, Шарлотт и еще одна девочка из ее школы, а из школы Грэнвилл буду только я.

Друзья, друзья, друзья, друзья.

И еще из одной тетради:

Имя: Люси Блэкман

Тема: Эксперименты

Свет

Я взяла большое зеркало.

Смотрела на себя.

Видела свое отражение.

Я закрыла один глаз.

³ Украшенное лентами и гирляндами дерево или столб, который по традиции устанавливают к первому мая.

Видела себя с одним закрытым глазом.
Я дотронулась до носа.
Видела себя с правой рукой на носу.
Я хлопнула в ладоши.
Увидела, как я хлопаю.
зеркало
εαδφεvo
Я взяла большое зеркало.
Поставила зеркало сбоку.
Увидела мир под правильным углом.

– У меня было печальное детство, поэтому мне всегда хотелось прекрасной счастливой семейной жизни, – поясняла Джейн. – Я подогревала тапочки детей возле печи, чтобы они были теплыми, когда дети придут из школы. Когда Руперт играл в регби, я встречала его из школы с грелкой и термосом с горячим чаем. Больше всего на свете я боялась потерять детей. Даже когда они были совсем маленькими. Купила специальные кожаные помочи с нарисованными маленькими кроликами и заставляла Руперта их надевать. Сына водила на помочах, а девочек всегда держала за руку. Стоило мне в супермаркете потерять детей из виду, я просто... Потерять их – вот чего я больше всего боялась из-за того, что произошло со мной в детстве. Поскольку я потеряла маму, меня ужасала даже сама мысль, что я могу потерять детей. Поэтому я всегда была очень заботливой матерью, даже слишком.

Но в сказочный мир Джейн вмешалась суровая реальность.

Строительный бизнес Тима пошел на спад, и Люси с Софи пришлось забрать из Грэнвилла. Девочек перевели в местную государственную школу, шумное неприглядное заведение с туалетами на улице; никаких венков, реверансов и шапочек с помпонами.

– Шокирующая разница между прелестной частной гимназией и государственной школой разбила мне сердце, – признавалась Джейн. – Я снова пережила огромную потерю и очень расстраивалась. Пусть Грэнвилл – всего лишь гимназия, но в ней царила... настоящая идиллия. Я знала, что там моих детей никогда не обидят. Мне хотелось, чтобы они всю жизнь распевали песенки и плели венки из маргариток, не ведая жестокой реальности.

Проблема оплаты учебы в школе разрешилась, когда Люси выиграла стипендию в Уолтемстоу-холле, серьезном заведении в особняке из красного кирпича, основанном в XIX веке для дочерей христианских миссионеров. Она усердно училась и, возможно, могла бы стать успешной выпускницей Уолли-холла, где гордились высоким процентом поступивших в университеты. И все же Люси не до конца вписалась в новую школу.

– Уолтемстоу-холл довольно претенциозен, – рассказывала Джейн. – Многие девочки на день рождения получали в подарок ключи от автомобиля. А мы совсем не входили в эту лигу.

Однако мрачной тенью на подростковую жизнь Люси легли не деньги, а болезнь.

В возрасте двенадцати лет она подхватила микоплазменную пневмонию, редкое заболевание, которое свалило ее с ног на несколько недель.

– Девочка ужасно себя чувствовала, и никто не знал, что с ней, – вспоминала Джейн. – Она сидела в постели, опираясь на гору подушек, и мне приходилось стучать ей по спине, чтобы отходила мокрота. Даже во время дыхания в легких слышались хрипы.

Люси чувствовала сильную слабость, а ноги так болели, что она почти не могла ходить, и два года усердной учебы пошли насмарку. Иногда в течение нескольких недель у девочки совсем не было сил. Попытка спуститься на один пролет лестницы приводила к полному изнеможению. И ни один доктор не мог точно сказать, когда она выздоровеет и выздоровеет ли вообще.

Надо заметить, Джейн Блэкман свято верила в скрытые силы разума и собственную интуицию. Она работала рефлексологом и массажистом, лечила боль в ступнях и часто, по ее сло-

вам, предвидела ближайшие события – смерть пожилой родственницы или беременность пациентки, когда та сама еще ничего не знала.

– Во время работы у меня просто появляются предчувствия, – объясняла она. – В голове звучит голос, он мне что-то говорит, и скоро все сбывается. Думаю, дело в сопричастности. Я чувствую чужую боль. Говорят, я слишком эмоциональна, но, если бы вы сами прошли через столько бед, у вас тоже появились бы такие способности.

Сверхъестественный дар у дочери впервые проявился, по наблюдениям матери, именно во время болезни.

Оба родителя независимо друг от друга начали замечать легкий, но отчетливый запах в большой спальне, где лежала Люси, – сигарный дым. Но никто в семье не курил. Тим даже звонил соседям, чтобы убедиться, что дым не просачивается от них сквозь смежную стену. Через несколько дней Джейн спросила о запахе Люси. Девочка тогда была очень слаба и почти все время спала. Но ее ответ потряс мать:

– Это от мужчины, который сидит на краю кровати.

– Какого мужчины? – спросила Джейн.

– Иногда ночью приходит старик и садится на край кровати, и он курит сигары.

– Ох, – качал головой Тим, рассказывая мне эту историю. – Мы все решили, что Люси совсем плоха.

Много позже, когда к ней вернулись силы, Люси приехала в дом деда и сводной бабки. Увидев на серванте фотографию какого-то старика, девушка спросила, кто он такой. В тот день дома была бабушка Джейн, прабабушка Люси, и человек на снимке оказался ее мужем. Его звали Холлис Этеридж, и он умер много лет назад.

– Это он, – заявила Люси. – Тот человек, который сидел у меня на краю кровати.

Всю жизнь Холлис был заядлым курильщиком сигар.

Люси наконец выздоровела и вернулась в школу. Но в последующие годы семью Джейн снова постигла ужасная потеря.

Дети обожали сестру своей матери Кейт Этеридж, молодую (на 11 лет моложе Джейн) гламурную городскую тетюшку, которая работала в Лондоне редактором журнала. По выходным Люси, Софи и Руперт ездили в Лондон и ходили с тетюшкой по музеям и художественным галереям, а затем она угощала их бургерами и пиццей на Кингз-роуд. Летом 1994 года семья начала замечать в Кейт перемены – не свойственную ей медлительность и трудности в подборе слов. Женщину терзали сильные головные боли и приступы тошноты, и вскоре у нее обнаружили огромную опухоль в мозге. Не прошло и двух месяцев, как Кейт умерла под анестезией во время операции, которая даже при удачном исходе навсегда сделала бы ее инвалидом.

Тем временем отец Джейн, который всю жизнь много курил, страдал от закупорки сосудов, препятствующей нормальной циркуляции крови. В правой ноге у него началась гангрена, и пришлось ампутировать сначала ступню, а потом и всю конечность. Изможденного, на инвалидном кресле его привезли в церковь на похороны дочери.

Через год после смерти Кейт Этеридж Джейн и Тим развелись после девятнадцати лет брака.

Исчезновение Люси Блэкман, долгие месяцы неопределенности и известие о ее трагической судьбе только усилили враждебность между родителями, хотя ладить они перестали задолго до смерти дочери. Громкие споры о том, кто из них прав, сопровождали последние пять лет жизни Люси.

По версии Джейн, разрыв грянул внезапно, в ноябре 1995 года, в их последнем общем доме – большом эдвардианском особняке с шестью спальнями в Севеноукс, там, где наконец осуществились все мечты Джейн о семейной жизни.

– Я собиралась установить там плиту «Ага»⁴, – рассказывала она с горькой насмешкой над собственной наивностью. – Хотела свить семейное гнездо. Я бы крутилась на кухне, готовила еду на плите, а рядом бегали бы дети, а потом и внуки. Но вышло совсем по-другому.

Воскресным днем семья из пяти человек сидела в гостиной. В камине горел огонь. Джейн приготовила обожаемые детьми «цветные тосты» с прослойкой из джема трех разных оттенков.

– Мы смотрели сериал «Чудесные годы»⁵, который мне очень нравился, – вспоминала Джейн. – Нам всем он очень нравился. Руперт устроился у Тима на коленях, остальные сидели рядом, и я никогда не забуду слов мужа. Он сказал: «Как хорошо, что у нас семья». До сих пор помню. «Как хорошо, что у нас семья». Так и сказал. А на следующий день семья распалась.

В понедельник утром Джейн позвонил неизвестный мужчина и сообщил, что Тим спит с его женой. В тот вечер, когда жена встретила его обвинениями, Тим вначале все отрицал, но потом признался. Джейн потребовала, чтобы он немедленно ушел из дома. Разгорелся скандал, и в тот же вечер в окно полетели пакеты для мусора, набитые вещами Тима.

– Я считала Тима заботливым и верным мужем, – жаловалась Джейн. – Но после девятнадцати лет брака вдруг обнаружила, что жила с тем, кого на самом деле никогда не существовало.

Тим признал, что обманывал жену. Но он говорил не о внезапном крахе счастливого брака, а о долгом мучительном движении ко все большей неприязни и отчуждению.

– Когда Джейн что-то не нравилось, она просто меня игнорировала, – вспоминал он. – Целые выходные могла ходить с каменным лицом и молчать. Иногда это длилось неделями, а потом и месяцами – по несколько месяцев кряду. Конечно, с юридической точки зрения вина лежит на мне, и я был виновной стороной при разводе, но никто даже не поинтересовался, что предшествовало разрыву. Уверен, в глазах детей именно я разрушил семью. Но в жизни не бывает черного и белого, и те, кто оказывался в похожей ситуации, меня поймут.

Джейн с тремя детьми отметила невеселое Рождество в большом эдвардианском доме среди призраков неродившихся внуков. Денег от Тима практически не поступало, его компания к тому времени была ликвидирована, и Джейн пришлось продать особняк и снять дом поскромнее, мрачную кирпичную клетушку в гораздо менее респектабельном районе Севен-уокс. У здания была своя история: его последняя владелица Диана Голдсмит, сорокачетырехлетняя алкоголичка, отвезла детей в школу и исчезла при невыясненных обстоятельствах. Когда туда въехала Джейн с детьми, на окнах все еще оставались следы порошка, которым пользовались детективы для снятия отпечатков пальцев.

– Мы с детьми часто шутили: «Надеюсь, она не под ванной», – рассказывала Джейн. – Но в этой шутке была доля правды.

В следующем году тело Дианы Голдсмит нашли закопанным в саду в районе Бромли. Бывшего любовника Дианы арестовали, но позже оправдали.

– Этот дом ненавидели все, – признавалась Джейн. – Грязный до неприличия, да еще такое ужасное прошлое. Я не такая уж меркантильная, но мне нравятся красивые вещи, которые радуют глаз. А этот дом прямо-таки оскорблял мои эстетические чувства. Дочка его ненавидела.

Это был последний родной дом для Люси.

⁴ Популярная в Британии марка чугунных плит, в 1930-х годах ставшая иконой стиля.

⁵ Американский телесериал о жизни подростков.

Правила

– Развод порождает множество вопросов, – поясняла Софи Блэкман. – Когда растешь в семье, все ясно: вот мама, вот папа, вот брат и сестра. У тебя есть свой мир. Когда он рушится, встает вопрос: кто ты такой и зачем существуешь. Руперту тогда было тринадцать, он пролил немало слез, но все-таки смирился. Мне исполнилось пятнадцать, и я как раз переживала такой период, когда и без того все вокруг наперекосяк, и я даже не знала, куда кинуться. Люси в свои семнадцать была чуть старше. Не то чтобы она заняла сторону мамы – об этом речь не шла. Но Люси ей сочувствовала. Потому что сама была нам с Рупертом вроде второй матери.

Софи Блэкман внешне очень похожа на Люси. Разница в возрасте у них меньше двух лет, и почти всю жизнь провели вместе. Все, кто их знал, говорил о поразительном сходстве сестер – отчасти в чертах лица, но главным образом благодаря одинаковым жестам и манере говорить, что характерно для большинства братьев и сестер.

Софи отличалась холодностью, колючим характером и безграничной преданностью сестре. Многие близкие друзья Люси нуждались в ней куда больше Софи, но сестра понимала ее лучше всех.

Однако темперамент у них очень различался. Люси с самого детства была настоящей маминой дочкой, послушной и прилежной. А Софи росла упрямой агрессивной пацанкой. В юности она без конца скандалила и раздражалась, высказываясь по любому поводу с убийственным сарказмом и без сантиментов. Как и Джейн, она не выносила идиотов, однако не менее едко отзывалась об «ахинее», которой увлекалась мать, – суевериях и сверхъестественных явлениях. По характеру она скорее походила на отца, а с Джейн яростно спорила. После развода родителей стычки между матерью и дочерью только ужесточились и участились.

Вместе с браком рухнула мечта Джейн об эдвардианском уюте, и крушение надежд привело к неожиданным переменам в семье. Мать, всегда строгая и требовательная к детям, вдруг стала поразительно либеральной и терпимой. Другам и подружкам стало можно и даже нужно оставаться на ночь, а юный Руперт едва не сгорел от стыда, когда мать вручила ему пачку презервативов. Друзья отмечали, что Люси с Джейн близки не как мать и дочь, а скорее как подруги.

– Они и разговаривали как подруги, Люси вечно хихикала, когда звонила матери, – рассказывала Кэролайн Лоуренс, которая училась с Люси в одной школе. – Они часто обменивались одеждой и даже ходили вместе куда-нибудь по вечерам. Я все понимаю, потому что мы с мамой тоже очень близки, но в клуб я бы с ней не пошла.

С подростками не избежать конфликтов, но чаще всего ссорились Джейн и Софи, а миротворцем в битвах выступала Люси. Некоторые даже считали, что для Джейн она не просто дочь.

– На самом деле Люси заняла место матери в доме, – рассказывала Вэл Берман, подруга Джейн. – Когда Софи кричала и ругалась с Джейн, Люси успокаивала их обеих. После ухода Тима она очень быстро повзрослела. Словно она была матерью, а Джейн – ребенком.

Люси не могла похвастать ни стройной фигурой, ни тонкими чертами лица настоящей красавицы, и все-таки ее внешность многих привлекала. Тщательный уход за собой имел для Люси огромное значение. Друзья даже иронизировали над тем, что она обязательно делает прическу и красится перед походом в магазин или утренней пробежкой. Когда Люси смеялась, она встряхивала длинными волосами, которые рассыпались по плечам. Благодаря высокому росту и прекрасным светлым волосам Люси очень выделялась среди ровесников. По словам Джейн, она «освещала все вокруг».

– Когда мы только познакомились, она меня просто заворожила, – призналась мне Вэл Берман. – Я слушала ее с раскрытым ртом. Язык у Люси был отлично подвешен. О чем бы она ни говорила, и ее хотелось слушать. Она могла рассказать целую историю про кусок сахара.

Поток слов сопровождался изящными движениями пальцев с отполированными до блеска ногтями.

– Все замечали ее маникюр – она будто разговаривала руками, – рассказывала Кэролайн Лоуренс. – А какие волосы... Я помню, как однажды ждала ее в «Дорсет армз». В пабе было огромное окно, а Люси как раз переходила дорогу, и вот клянусь, буквально весь паб застыл и устался на нее. Даже девушки. Еще бы, такое зрелище: высокая блондинка, настоящая секс-бомба, уверенно плывет через дорогу.

Люси любила обновки и обожала ходить за покупками. Как и Джейн, ей нравилось поддерживать уют в доме и содержать вещи в строгом порядке. Именно из-за стремления к роскоши и комфорту, помимо прочих причин, студенческая жизнь совсем не привлекала Люси. Она, как и положено, сдала экзамен на аттестат, но осталась в старших классах, чтобы получить полное среднее образование. Однако, в отличие от большинства отличниц Уолтемстоу-холла, не стала подавать документы в университет. После экзаменов девушка какое-то время работала в пиццерии, позже стала помощником учителя в местной частной школе. Затем через друга семьи Люси получила должность в «Сосьете женераль», или «Сосжен» – французском инвестиционном банке в лондонском Сити, деловом центре города.

Люси работала ассистентом дилеров: вводила в систему заявки, выкрикиваемые в операционном зале. Трейдеры – обычно молодые амбициозные мужчины с высоким уровнем доходов. Темп работы у них бешеный, атмосфера на бирже агрессивная. Люси, молодая блондинка-новичок, тут же стала объектом мужского внимания. За пышную грудь ее прозвали Пампушкой. Девушке исполнилось всего восемнадцать, но она уже умела привлекать к себе внимание и флиртовать. Она любила наряды и украшения, а после работы распивала шампанское в барах Сити.

– Все, кроме нас, учились в университете, а мы работали, – рассказывала Кэролайн Лоуренс, которая окончила Уолтемстоу-холл и тоже нашла работу в Лондоне. – Деньги не ахти какие, но в собственных глазах – семнадцати-восемнадцатилетних девчонок – мы были богачками. Люси нравилось работать в «Сосжен» – для нее это был первый глоток свежего воздуха после Севеноукса, и особенно ей нравилось работать со всеми этими парнями в Сити. Мы казались себе такими взрослыми, каждый день отправляясь в город на поезде. Я видела, как она в час пик делает себе французский маникюр. Стоя. А ведь французский маникюр – штука сложная. Сначала надо покрыть ногти лаком телесного цвета, а потом покрасить кончики белым. Это не просто даже в удобном положении, а она ухитрялась справиться стоя. В движущемся поезде.

В Сити все занимались тем, что покупали и продавали валюту, и Люси очень привлекала такая деятельность. Она приобрела автомобиль, черный «рено клио», и каждое утро еще до восхода солнца выезжала из Севеноукса в Лондон, чтобы успеть к открытию финансовых рынков. По выходным она каталась за покупками в торговый центр «Лэйксайд» в Тарроке к востоку от Большого Лондона. Однажды Люси с подругой зашла в магазин нижнего белья «Ригби-энд-Пэллер», который изготавливает корсеты для королевы, и в мимолетном порыве приобрела десять знаменитых бюстгалтеров по индивидуальным меркам.

Однако получала Люси около шестнадцати тысяч фунтов стерлингов в год, крупницу оттого, сколько зарабатывали ее коллеги мужчины. И именно в «Сосжен» девушка впервые влезла в долги. Кредитные банковские карты, карты магазинов, дорогие покупки в рассрочку – так жили многие обитатели Сити, но Люси не спешила разделять их философию.

– У меня было гораздо больше долгов, чем у нее, – признавалась Кэролайн Райан, ее коллега по Сити. – Но Люси очень переживала. Стоило ей потратить на несколько фунтов больше заработанного, она просто места себе не находила.

Люси провела в «Сосжен» год, но в конце концов поняла, что такая жизнь не для нее. Сама должность не сулила никаких перспектив. Любовная история с младшим трейдером в фирме закончилась несчастливо и со слезами. Люси привлекали путешествия, но с определенным уровнем комфорта и стиля.

– В этом вся Люси, – соглашалась Софи. – Турпоходы ее не интересовали: в палатке фен и макияж не имеют смысла. Люси нравилось делать маникюр и ухаживать за волосами, она носила туфли на каблучке, заботилась о собственной внешности, и ее образ жизни не сочетался с рюкзаками и грязными хостелами. Вот уж нет. Но она очень хотела увидеть другую культуру, новых людей, попробовать экзотическую еду, но обязательно с комфортом.

Спустя год работы в Сити Люси придумала, как осуществить свою мечту. Она обратилась в авиакомпанию «Бритиш эйруэйз» и стала стюардессой.

На первый взгляд, работа идеально подходила Люси: престижная должность, нарядная форма, возможность попрактиковаться во французском языке. В мае 1998 года девушка прошла трехнедельный курс обучения, где, помимо прочего, узнала, как принимать роды, управляться с наручниками и обезвредить бомбу на борту (надо перенести ее в самый дальний угол салона рядом с выходом и обложить влажными подушками, чтобы они поглотили взрывную волну). Первые полтора года в авиакомпании Люси работала на коротких рейсах в британские и европейские города. Самым первым стал сорокаминутный перелет на остров Джерси.

– Я твердила себе, что летать намного безопаснее, чем переходить улицу. Что дорога в аэропорт куда страшнее самого полета, – рассказывала Джейн Блэкман. – Но во время первого рейса дочери у меня внутри все переворачивалось.

По требованию матери Люси звонила ей после каждого рейса. Все время, что дочь работала в «Бритиш эйру-эйз», Джейн следила за отправлением и прибытием воздушных судов через сервис «Сифакс»⁶ и успокаивалась только после того, как убеждалась, что самолет дочери благополучно приземлился и находится в аэропорту.

Возможно, из-за перенесенной в юности болезни и долгих месяцев в постели Люси, повзрослев, став молодой женщиной, прямо-таки заиклилась на разных методиках и приемах упорядочивания собственной жизни и самодисциплины. Она писала списки будущих дел и достижений, которые служили ей своего рода заклинаниями против лени. Она собирала книги о самопомощи и самосовершенствовании – как управлять долгами, добиться плоского живота или повысить самооценку – и делилась ими с друзьями. Страница из дневника Люси от начала 1999 года демонстрирует ее приоритеты: фитнес, красота, здоровье и деньги.

Новогодние решения!

1. Ходить в спортзал 3–4 раза в неделю.
2. Освоить два новых вида спорта.
3. Перестать пользоваться двумя телефонами.
4. С марта начать откладывать деньги.
5. Придерживаться «Правил».
6. Проводить больше времени с У. + Г./Х. + Дж.
7. Больше спать.
8. Выучить итальянский.
9. Не тратьте премиальные.
10. Пользоваться скрабом и загорать через день.
11. В остальные дни пользоваться лосьоном.
12. Пить больше воды.

Решение под номером 5 относится не к правилам в общем, а к «Правилам» – популярному американскому руководству по свиданиям и романтическим отношениям, которому Люси старалась следовать. «Правила» представляют собой радикальную эмоциональную «диету», возвращение к традиционным способам ухаживания, царившим до эпохи феминизма,

⁶ Система телетекста, разработанная Би-би-си и транслирующая информацию о последних новостях, погоде, спорте и т. д.

когда от мужчины требовалось долго и упорно ухаживать за девушкой, чтобы получить хоть какое-то вознаграждение за свои старания. В другой тетради дневника Люси сделала собственные выводы из «Правил».

1. Сохранять хладнокровие.
 2. Пусть сам суетится, звонит и все остальное.
 3. Не раскрывать карты: если захочет знать о моих чувствах, сам спросит.
 4. Только легкая беседа.
- НЕ ЗАПАДАТЬ НА НЕГО!**

Люси привлекала мужчин и лет с пятнадцати редко оставалась без бойфренда. Вот только решение больше копить, чем тратить, и меньше болтать по телефону, а также диктуемые «Правилами» сдержанность и хладнокровие шли вразрез с характером Люси.

– Когда Люси с кем-нибудь встречалась, она отдавалась отношениям целиком, и не раз ей разбивали сердце, – отмечала Софи. – Она совершенно не скрывала своих чувств: мол, я такая, какая есть, бери или проваливай. И кавалеры брали ненадолго, а потом проваливали.

Друзья Люси давно вычислили схему развития ее романов: найдя нового «друга», девушка быстро теряла голову, а парень терял к ней интерес.

– Она безумно влюблялась, – рассказывала Софи, – а через пару месяцев ее уже трясло от одного упоминания имени парня. Люси очень хотелось найти своего принца, остепениться, завести детей и поселиться за городом. А это означало, что сначала придется перецеловать кучу жаб.

Вот, например, Джим⁷, которого возненавидели все подруги Люси, нагло бросил ее в день ее восемнадцатилетия. Или Роберт, который жил над местной пиццерией и променял Люси на одну из ее лучших подруг. Или Грэг, ее коллега по «Сосжен», разрыв с которым и ускорил переход девушки в «Бритиш эйруэйз». А потом появился самый привлекательный и опасный из ее приятелей Марко – красивый и дикий итальянец с криминальным прошлым.

Первой Марко заметила Софи, когда работала барменом в отеле «Ройал оук» в Севеноексе. Она сразу же поняла: парень подходит сестре по всем параметрам – высокий, сильный, шикарный.

– Марко действительно был хорош собой, – признавала Софи. – Раньше он работал моделью. Ему было тридцать; у сестры всегда были парни старше ее. На первый взгляд Марко казался настоящей находкой, и Люси сильно им увлеклась. А потом выяснилось, что он врал напрадую.

В «Бритиш эйруэйз» Люси предоставляли десять выходных дней в месяц, и почти все из них она проводила с Марко. Он пользовался ее автомобилем, пока девушки не было в городе, и забирал ее в аэропорту Хитроу после рейсов. Они посещали клубы «Министри оф саунд» и «Клуб 9» в Лондоне, выпивали в пабах Севеноекса «Вайн», «Чимниз» и «Блэк бой». Люси часто оставалась в квартире Марко, он тоже ночевал в доме Блэкманов. Марко постоянно простужался и много часов проводил в постели. Вечерами, выходя куда-нибудь с Люси, он периодически ненадолго исчезал с друзьями. Однажды, когда Марко особенно плохо себя чувствовал, Люси поставила у его кровати целую коробку медикаментов: леденцы «Стрепсилз» от боли в горле, мазь для растирания «Вике», носовые платки «Клинекс», пастилки от кашля, журналы.

– Мы вообще не понимали, что на самом деле происходит, – жаловалась Софи. – До чего же глупо и наивно с нашей стороны.

Друзья девушки считали итальянца высокомерным и грубым, но чувства Люси к Марко все росли. Как-то на выходных он забросил ее в Хитроу и укатил на ее «рено», пообещав встретить возлюбленную на следующий день. Но когда она прилетела, Марко не было.

⁷ Имена молодых людей изменены. – *Примеч. авт.*

– Он не встретил ее, он вообще не явился, и Люси очень расстроилась, – рассказывала Софи. – Сестра не могла с ним связаться, не знала, где ее машина и где сам Марко, – вообще ничего не знала. Наконец Люси позвонила кому-то из его родственников, двоюродному брату или еще кому. И тот сказал: «Я надеялся, что этого больше не повторится. Но у Марко вечно так. Что он тебе наплел?»

Как выяснилось, Марко никогда не был моделью. Более того, страдал сильной зависимостью от кокаина. Исчезновения в пабах, склонность к «простудам» и медленное выздоровление – все вдруг встало на свои места. Софи в гневе поехала к Марко домой. Тот лежал в постели, оглушенный долгой попойкой и наркотиками. Он даже не мог ответить на вопросы разъяренной Софи все объяснить. Ключи от «рено клио» Люси лежали рядом на столе. Софи схватила их, хорошенько врезала Марко на прощание и выскочила на улицу, чтобы забрать машину. Дверь и задняя часть кузова оказались поцарапаны и помяты в результате аварии.

Люси очень следила за своей машиной и ухаживала за ней столь же тщательно, как за волосами и ногтями. Разумеется, теперь между ней и Марко все было кончено. Она очень страдала, но недолго. Через несколько месяцев ее отрезвила новость: Марко покончил с собой или, по другой версии, умер от случайной передозировки наркотиков. Что бы ни произошло на самом деле, бывший бойфренд Люси скончался.

Люси нравилась не всем, особенно это касалось молодых девушек, которые иногда испытывали к ней враждебность. Некоторым она казалась не симпатичной болтушкой, а наглой пустомелей; их раздражала ее привычка жестикулировать и встряхивать светлыми волосами.

– Просто наивная паинька из младших классов не вписывалась в среднюю школу, – комментировала Софи. – Ребята постарше не в восторге от «ботаников», умников и подхалимов. То, что казалось милым в маленьком ребенке, в подростке выглядит по-другому.

Софи всегда яростно защищала свою семью. Однажды, спасая сестру, она даже ввязалась в потасовку. Они сидели вместе в одном из баров Севеноукса. Был выходной, и в зале собралось много народу. За столом, где сидела Софи со своими друзьями, расположилась еще одна незнакомая им компания. Люси стояла у бара и разговаривала с каким-то мужчиной.

– Она выпивала и болтала со знакомым парнем, – рассказывала Софи. – Они дружили с ним уже некоторое время, к тому же он был геем, так что о приставаниях и речь не шла. Они разговаривали, гремела музыка, они немного потанцевали. Вдруг девушка, которая сидела за нашим столиком, начала на нее наезжать. Не в глаза, а с места: «Что за девка там ошивается? Что она о себе возомнила? Пришла в паб, да еще и танцы устроила. Да она такая, она сякая», – ну и прочее в том же духе. Она совсем не знала Люси, просто та ей сразу же не понравилась. Девушка вела себя очень грубо. И она не знала, что Люси моя сестра. Я подумала: «И что же тебе не нравится в Люси? Что она потрясающе выглядит, пришла в паб и не стесняется потанцевать с другом, хотя публика может посчитать это странным?» Да, сама я так себя не вела бы, потому что мне не хватает уверенности в себе, но Люси другая. А девица за столиком все не успокаивалась и продолжала ворчать. Тогда я сказала: «Это моя сестра, так что хватит». Она, конечно же, не послушалась и даже швырнула в меня чем-то. Я встала и говорю: «Ты что творишь?» И, конечно, тоже чем-то в нее кинула. И села на свое место. Тут она подскочила, схватила меня за волосы – и понеслось.

Драка закончилась тем, что подбежала Люси и оттащила Софи от соперницы.

– Что ты устроила? – спросила она сестру.

– Я тебя защищала!

– Простите, пожалуйста, – извинилась Люси перед той девушкой и вывела Софи из паба.

Дальние рейсы

Люси легко заводила друзей везде: в Сити, в «Бритиш эйруэйз», в пабах Севеноукса. Но самыми близкими для нее людьми оставались мама, Софи и несколько друзей, в основном из школы. Сознательно или нет, Люси не давала подругам пересекаться. Некоторые едва знали друг друга и практически не встречались. И большинство девушек росли без отца.

Среди них была Кэролайн Лоуренс, которая училась с Люси в школе Грэнвилл, а позже в Уолтемстоу-холле. Кэс, как все ее звали, обладала шапкой рыжих пушистых волос и бунтарским характером. Ее родители развелись, и как раз у Лоуренсов, когда матери не было дома, устраивались вечеринки с танцами и распитием сидра до поздней ночи. Еще одна девушка, Гейл Блэкман, познакомилась с Люси в Уолтемстоу-холле, когда обеим было по четырнадцать (несмотря на совпадение не самой распространенной фамилии, кровного родства между ними нет). Отец Гейл тоже «загулял». Кроме того, в свое время она тоже много болела, страдая астмой и сильной экземой. Как и Люси с Кэс, в Уолтемстоу-холле Гейл считалась изгоем, а после окончания школы не планировала поступать в университет.

– Наши амбиции отличались от тех, которых ждали преподаватели, – рассказывала Гейл. – Люси хотела найти стабильную работу, а потом завести семью; у нее не было планов по завоеванию мира. Но наши учителя относились к таким мечтам с презрением. Для них имел значение только рейтинг университета, и еще, как мне показалось, им не нравились девочки из неполных семей. На тех, кто не собирался поступать в университет, чтобы стать инженером или доктором, они не обращали никакого внимания.

Одной из самых недавних подруг Люси стала Саманта Берман. Их младшие братья вместе ходили в школу, и Вэл, мать Сэм, подружилась с Джейн Блэкман. Обеим было под сорок, обе только что развелись и воспитывали детей-подростков. Время от времени Вэл и Джейн брали дочерей и все вместе отправлялись в Лондон в ночной клуб. Эти походы вызывали в Софи скрытую, но яростную неприязнь.

– Две разведенки со старшими дочерьми. Не знаю, как по мне, просто отвратительно, – говорила она. – Разве это нормально? Хотелось прикрикнуть на них: «Вспомни, сколько тебе

лет! Гуляй со своими ровесниками, зачем зависать с молодыми девчонками?» Так фальшиво, демонстративно, пошло. Не знаю, о чем они только думали... Меня бесили их вылазки.

В 1999 году за несколько дней до Рождества Сэм и Люси пошли в клуб со старым другом Сэм Джейми Гаскойном. Он был наслышан о Люси. Последние несколько недель и Саманта, и ее мама Вэл обещали свести парня с подругой. Когда вечеринка уже была в разгаре, Люси отправилась за напитками, и незнакомец у барной стойки начал довольно агрессивно к ней приставать. Джейми тут же подошел к нему и полушутя-полусерьезно заявил, что Люси его жена.

– Тогда она развернулась и поцеловала меня, – рассказывал Гаскойн. – Меня будто... током ударило.

Троица вернулась в дом Сэм, и Люси с Джейми проболтали всю ночь.

– Не знаю, она была зажигательной, возбуждающей, веселой, прямо идеальная девчонка, вот честно, – признался Джейми. – Любой в ее присутствии чувствовал себя по-настоящему живым. Вот какой она была. Подобные девушки притягивают к себе, к ним сразу привязываешься.

Никто из парней Люси не обожал ее сильнее Джейми Гаскойна. И только Джейми пытался ее удержать. Люси изменила его жизнь. Он считал, что их свела сама судьба.

Они познакомились за несколько дней до конца двадцатого века. Для Джейми эти дни превратились в сказку. На два года старше Люси, крупный и мускулистый, но впечатлительный парень тогда работал в Сити в инвестиционном банке «Леман бразерз». В то Рождество, через несколько дней после знакомства с Люси, он подарил ее украшениями. Парочка сразу же стала проводить вместе все свободное время. В канун нового тысячелетия они отправились на новогодний бал. Джейми сильно простудился и был не в форме. На следующее утро ему позвонили и сообщили, что умерла его бабушка.

– Люси держалась как скала, – рассказывал он. – Бабушка была очень близким мне человеком, но Люси повела себя неподобающе и помогла мне пережить потерю.

Отношения развивались очень бурно. У нас была песня, наша песня – трек «Сэведж гарден», его тогда постоянно крутили: «Я полюбил тебя еще до нашей встречи». Мы встречались чуть больше месяца, а Джейн с Вэл уже спрашивали: «Когда свадьба? Когда же свадьба?» Джейн в шутку называла меня своим зятем. Мы с Люси практически всегда были вместе.

Джейми жил с родителями в Ислингтоне на севере Лондона, в двух часах езды от Северн-уокса. Каждые выходные и те будни, которые Люси проводила дома, он приезжал к ней и оставался на ночь в доме Блэкманов. А затем вставал до рассвета и ехал на работу в Лондон.

– Мы украшали ее спальню в Северн-уоксе, ходили ужинать вдвоем. Всё, буквально всё делали вместе, – вспоминал Джейми. – Мы были безумно счастливы. Казалось, все идет как надо и люди вокруг тоже рады за нас. Никогда не забуду те времена. Этот опыт изменил всю мою жизнь, потому что Люси была такой милой, что я, естественно, влюбился в нее по уши. В такую девушку грех не влюбиться. Правда. Она просто чудесная.

Вскоре стало ясно, что профессия стюардессы Люси не подходит. К началу 2000 года работа превратилась в капкан, из которого надо срочно выбираться. Коллеги не понимали девушку. Ведь она только что добила того, к чему стремился любой член экипажа «Бритиш эйру-эйз», – ее перевели с местных воздушных линий в Хитроу на межконтинентальные рейсы из аэропорта Гэтвик. Перелеты на дальние расстояния влекли экзотикой и шиком и к тому же лучше оплачивались. Как начинающей бортпроводнице оклад Люси назначили мизерный – 8336 фунтов стерлингов в год без вычета налогов. Еще столько же она получала в качестве премиальных, которые начислялись в зависимости от направления и класса самолета, на борту которого она работала. Очень ранние, слишком долгие, ночные или срочные перелеты прино-

сили дополнительные бонусы. Выделялись также деньги на питание, причем компенсация рассчитывалась исходя из стоимости трех блюд на каждый прием пищи в пятизвездочном отеле в местной валюте. Естественно, большинство служащих выбирали еду подешевле, а разницу клали в карман. Так что самыми невыгодными в этом плане были короткие рейсы между городами Великобритании. Выше всего ценились перелеты в дорогие города Азии и Америки: Майами, Сан-Паулу и – самый выгодный – Токио.

В дальних рейсах Люси получала бы около 1300 фунтов в месяц после вычета налогов. Однако, как она ни беспокоилась о деньгах, долги лишь множились. В кратком отчете о доходах и расходах к концу 1998 года значились ежемесячные выплаты в размере 764 фунтов 87 пенсов (больше половины доходов) только на «Дайнерз клуб», одну из ее кредитных карт. Кроме того, Люси платила ежемесячные взносы за «рено клио» в размере 200 фунтов, а еще – 47 фунтов за банковский кредит, 89 фунтов 96 пенсов за карту «Виза», 10 фунтов за кредитку «Маркс-энд-Спенсер», 70 фунтов матери за аренду дома, 32 фунта за членство в спортивном клубе и 140 фунтов за мобильную связь. Каждый месяц, покупая декоративную косметику, шампуни и одежду, необходимые для работы, Люси превышала бюджет на несколько сотен фунтов, а из-за процентов выплачивать долги становилось с каждым днем все труднее.

Она уставала и болела. Длинные ночные перелеты истощали, вся романтика прошла. В «Бритиш эйруэйз» числилось 14 тысяч сотрудников, в большинстве случаев Люси обслуживала рейс с коллегами, которых видела в первый и последний раз. Редкое удовольствие работать с подругой все равно не спасало от утомительного однообразия: знай себе разливай томатный сок по пластиковым стаканчикам и предлагай выбрать между курицей и говядиной.

– Гостиничные номера во всех странах похожи один на другой, – сетовала Софи. – Она могла оказаться утром в Париже, после обеда в Эдинбурге, а на следующий день в Зимбабве. Но везде просто сидела в номере и страдала от смены часовых поясов, не в силах выйти и наслаждаться жизнью, культурой и едой. Ближе к концу сестра совсем вымоталась – вечно усталая, несчастная, постоянно среди чужих людей.

Глубина нервного истощения Люси даже пугала.

– Под конец она спала по пятнадцать часов в день, – вспоминала Софи. – Сестра чувствовала себя ужасно и начала серьезно болеть.

Девушка словно вернулась в тот тревожный период восемь лет назад, когда долгие месяцы после болезни не могла подняться с постели. Тогда измученная Люси заговорила о поездке в Японию.

Идея появилась еще в конце 1999-го или начале 2000 года. Никто точно не помнил, как она возникла, но мысль определенно подала Луиза Филлипс.

Луиза была ближайшей подругой Люси. Они познакомились еще в тринадцать лет. Внешне они представляли полную противоположность друг друга: стройная, невысокая, изящная брюнетка Луиза и рослая Люси. Филлипс тоже росла без отца: он скоропостижно умер от рака, когда ей было двенадцать. Роднили подруг и схожие жесты, и манера говорить, и любовь к макияжу и маникюру, даже имена у них начинались одинаково. Джейн считала двух подруг родственными душами. Тим смотрел на дело проще:

– Луиза могла болтать дни и ночи напролет, прямо как Люси. Так они и болтали без конца и считали друг дружку безумно веселыми.

Степень их близости можно оценить по карьере обеих девушек. На каждом жизненном этапе Люси следовала по пути, уже проторенному подругой. Луиза окончила в школу в шестнадцать лет и пошла работать в инвестиционный банк в Сити, как и Люси через два года после нее. Луиза первой стала стюардессой в «Бритиш эйру-эйз», Люси потянулась за ней. И инициатива поехать вместе в Токио, чтобы расплатиться наконец с долгами, которые стали для Люси тяжким бременем, исходила именно от Луизы.

Более поздние события бросили тень на репутацию Филлипс, особенно в кругу друзей и семьи Люси. Впрочем, к Луизе относились с подозрением и до поездки в Японию. Саманте Берман, к примеру, она никогда не нравилась.

– Люси дружила с ней намного дольше, чем со мной, поэтому я помалкивала. Но Люси считала Луизу красивой и уверенной в себе, а себя – дурнушкой, которая живет в ее тени. И вряд ли Луиза пыталась ее разубедить.

Обе девушка работали с самого окончания школы и часто мечтали устроить себе каникулы и вместе одолеть маршрут, знакомый всем любителям «дикого» отдыха: Таиланд, Бали, а потом Австралия. Но Люси не питала любви к бюджетным путешествиям, да и финансы не позволяли. Старшая сестра Луизы Эмма Филлипс предложила им отправиться в Токио, где она сама жила два года назад. По ее словам, там можно было познакомиться с потрясающим и необычным городом, а заодно заработать хорошие деньги. Чем именно занималась Эмма в Токио, остальные друзья Люси не очень разобрали, поскольку история каждый раз менялась в зависимости от того, кому ее рассказывали.

Как поняла Сэм Берман, Эмма работала в барах. У парня Люси Джейми Гаскойна сложилось впечатление, что Эмма выступала с танцевальной труппой. Софи помнила разговоры о должности официантки. Гейл Блэкман утверждала, что Люси и сама не представляла, чем займется. Когда Гейл задала вопрос в лоб, Люси ушла от ответа. Это озадачило подругу.

– Я терялась в догадках, – призналась Гейл. – Похоже, место выбрали наугад, даже не подумав. Я хочу сказать, что в Азии жизнь совсем другая. Ладно бы Австралия или Новая Зеландия, но Япония...

В прощальном письме к друзьям из «Бритиш эйру-эйз» Люси рассказала о поездке в Японию, но почти ничего не говорила о себе: «Туда едет моя лучшая подруга Луиза, она остановится у родственников, и у меня есть возможность присоединиться к ней. У меня нет никаких планов: наверное, познакомлюсь с культурой, буду учить язык или стану высококлассной и хорошо оплачиваемой гейшей! (шутка) Просто несколько месяцев передышки, смена обстановки; говорят, это лучший отдых».

Девушки объяснили знакомым, что в Токио у Луизы живет тетя, у которой они могут остановиться, чтобы не платить за жилье. Благодаря этому поездка казалась безопасной, понятной и домашней.

– Когда Люси решила уйти из «Бритиш эйруэйз», то еще точно не знала, чем будет заниматься, – отметила Сэм Берман. – И идея заработать денег за границей, а потом вернуться, расплатиться с долгами и начать все заново, ей понравилась. К тому же у нее появилось бы время подумать, чего она хочет от жизни.

Чем на самом деле занималась Эмма Филлипс в Токио и какая карьера ждет их с Луизой, Люси рассказала только своей матери.

– Она заявила, что подумывает съездить с Луизой в Японию поработать хостес, чтобы выплатить долги, и уверяла, что все будет отлично, – вспоминала Джейн. – О сути профессии она знала только по рассказам сестры Луизы. Та утверждала, что надо просто подавать посетителям напитки и разговаривать с ними, и еще хостес часто поют под караоке. Люси любила петь, так что для нее такая должность означала легкие деньги.

Но Джейн не интересовали подробности. Единственное, чего она хотела, – любой ценой не пускать дочь в Токио.

– Она постоянно твердила, что никогда не наделает глупостей и будет очень осторожна. Но я знала, что с ней произойдет нечто ужасное. Никак не могла выбросить страхи из головы. Япония вообще представлялась мне нереальной, но, как только Люси заговорила о ней, у меня в голове зазвучал голос: «Случится нечто страшное». Возможно, это была просто мысль, а никакой не голос, – мысль, которая сама пришла ко мне. И я потеряла покой. При дочери я не плакала, но наедине с собой – постоянно.

Джейми Гаскойн был в таком же смятении, что и Джейн. За несколько месяцев отношений он горячо полюбил Люси, и мысль о расставании, пусть даже на время, была невыносима для него.

– Не мне указывать другим, как им следует жить и чем заниматься, – рассказывал он мне. – Но я не хотел отпускать Люси. Однако она говорила о будущей поездке как об интересном жизненном опыте: сменить страну, сменить род деятельности. Поначалу речь шла о трех месяцах, это еще терпимо. Я подумал: «Ладно, езжай и наслаждайся новизной. Веселись. Избавься от долгов и возвращайся. Очень надеюсь, что наши отношения перейдут на новый уровень». Мы ведь уже говорили о помолвке. Всерьез ее обсуждали. И знаете, наша любовь словно была предначертана судьбой, если вспомнить, как упорно все хотели нас познакомить.

Однажды вечером Джейми и Люси решили пойти на фильм «Красота по-американски». Когда они стояли в очереди за билетами, девушка сказала Джейми, что на время отъезда в Японию не хочет связывать себя никакими обязательствами.

– Я был потрясен до глубины души. Просто сполз по стене, не зная, что ответить. Как гром среди ясного неба. У нас были замечательные отношения. Я постоянно мотался из Северного Лондона в Лондон и обратно. Мы никогда не ругались и даже не спорили. Я сказал: «Мы же вместе идем в кино. Ты шутишь». Она ответила: «Нет-нет, думаю, нам надо разойтись». Мне не верилось в реальность происходящего. Совершенно не похоже на Люси. Моей Люси и правда больше не было. За неделю до нашего разрыва она совершенно изменилась. Стала совсем другой. Вам знакома ситуация, когда близкий человек начинает что-то скрывать от вас, темнить? Ей будто кто-то приказал: «Ты должна вести себя вот так». Я ничего не понимал. Полное безумие. Будто кто-то ею управлял. Луиза, ее подруга, была вполне славная, мы с ней ладили. Но она очень влияла на Люси. Вот чего я не понимаю. Все, что говорила Луиза, становилось прописной истиной. И не только из-за того, что Люси равнялась на нее. Такое ощущение, что она считала Луизу абсолютным идеалом во всем.

Как оказалось, Луиза тоже собиралась порвать со своим парнем Джемом, с которым уже давно встречалась.

– Вот что было на уме у Луизы, – пояснял Джейми. – Она разбежится с Джемом, и Люси тоже должна лететь с ней в Японию как свободная одинокая девушка. Не знаю, зачем такие сложности. Во всей этой истории с поездкой было множество недомолвок. Их поведение и дальнейшие планы оставались тайной за семью печатями. Вернее, у них и плана-то не было. Просто Луизе захотелось в Японию, вот они и собрались в Японию – конец истории. А потом они улетели. Я был просто раздавлен. Сидел и думал: «Вот и все, теперь надо строить жизнь заново».

Поведение Люси за несколько недель до отъезда в Японию удивляло всех, и чем ближе был день отъезда, тем больше девушка менялась.

– Она закрылась ото всех, по крайней мере от меня, – рассказывала Гейл Блэкман. – Под конец я почти ее не видела. Она совершенно переменялась, замкнулась в себе.

Дома Люси устроила генеральную весеннюю уборку, чересчур тщательную даже по ее высоким стандартам чистоты.

– Она прошла везде, выносила на помойку огромные мусорные пакеты со старыми письмами, личными вещами, – рассказывала Джейн. – Выбросила много одежды. И не сказать, что Люси избавлялась от хлама, потому что в комнате у нее и без того царил порядок. Казалось, она уезжает не просто на несколько месяцев. Дочь вычистила комнату так, будто не собиралась возвращаться.

Если со старыми друзьями Люси теперь виделась реже, то родственников, с которыми раньше общалась довольно много, – двоюродных братьев и сестер, тетюшек и дядюшек, живущих в провинции, – стала навещать куда чаще.

– Она постоянно с кем-то встречалась, что меня удивляло, потому что раньше Люси так не делала, – призналась Софи. – Она очень старалась повидать до отъезда как можно больше родни. Если бы сестра вернулась, мы бы не усмотрели тут ничего такого. Но поскольку она пропала навсегда, теперь ее поведение кажется странным.

Среди тех, с кем Люси особенно искала встречи, был и ее отец. После развода с Джейн в 1995 году Тим Блэкман сошелся с Джозефиной Берр и переехал к ней. Джозефина, мать четверых подростков, тоже была в разводе и родилась там же, где и отец Люси, – в Райде на острове Уайт. В семью Тим больше не возвращался, но сохранял близкие отношения с младшей дочерью и сыном. В период особенно острых конфликтов с матерью Софи на некоторое время даже уехала к нему в Райд. И Тим регулярно навещался в Кент, чтобы отвезти Руперта на регби или пообедать с ним в пабе. А вот с Люси он почти не встречался. Ответ на вопрос, почему так получилось, связан с негласным соперничеством Джейн и Тима за детей.

Джейн не сомневалась, что Люси сама решила выбрать ее сторону.

– Дочка очень разочаровалась в отце, – уверяла она. – Но я бы и не подумала препятствовать встречам бывшего мужа с детьми. Никогда. Ведь они и его дети. Люси решила не общаться с ним, но я никогда ей не запрещала его навещать. Да и как запретишь что-нибудь взрослой дочери – родителей слушаются только малыши. Люси не видела Тима несколько лет – потому что сама не хотела его видеть и злилась на него. Думаю, дело в том, что мы с ней были очень близки, она всегда меня поддерживала.

Люси, несомненно, осуждала отца, причинившего боль Джейн, – она так и говорила некоторым друзьям. Но Тим замечал и другие веяния.

– Нет смысла оправдываться или просить прощения у детей за свой поступок, – говорил он. – Они все равно не поймут, но скажу в свою защиту, что под конец был очень несчастлив с Джейн. Я надеялся, что время лечит и что в конце концов дети смягчатся и захотят общаться со мной. С Люси именно так и произошло. Пару раз она приезжала на рождественские каникулы и чтобы летом покататься на водных лыжах. Иногда я виделся с ней в Севеноуксе, так что о полном разрыве речь не шла. Но развод дался мне нелегко. В течение двух-трех лет увидеться с ней было очень трудно. Здесь вопрос сложный. Я прекрасно понимаю Джейн и знаю, как она умеет манипулировать людьми. И я на сто процентов уверен, что она резко отзывалась обо мне. В такой ситуации бывшая жена просто никак не могла обойтись без манипулирования. Например, Люси собиралась приехать ко мне на остров на выходные. Но подходил четверг – и вдруг она говорила, что приехать не получится. Я искренне верю, что чаще всего причиной служила семейная ситуация, из которой сложно вырваться. Люси играла непростую роль старшего ребенка, который поддерживает несчастную мать. И мной было легче пожертвовать. Дочь оказалась в тупике. И я могу ее понять, но от этого не менее больно.

Какое бы давление ни испытывала Люси со стороны родителей, неминуемый отъезд его ослабил. Джейн намекнула дочери, что стоит увидеться с отцом, и в середине апреля, в свой последний день в «Бритиш эйруэйз», Люси вернула форму стюардессы, а потом договорилась поужинать с отцом в пабе под Севеноуксом. За несколько дней до этого она послала ему текстовое сообщение. Тим долго хранил его после исчезновения Люси. Много позже, когда о Люси осталась только память, он переписал текст слово в слово на бумагу: «14.04.00 00:38 xxxxxxxxxxxx доброе утро! мой замечательный папочка. Я тебя так люблю и никак не дождусь вторника, когда же увижу твое улыбающееся лицо, с любовью и обнимашками...лула хх».

Джейн всегда очень беспокоилась о детях, но ее тревога по поводу поездки Люси в Японию переросла в целую кампанию по срыву планов дочери, граничащую с безумием. В ход шли любые средства. Главной целью поездки Люси в Японию было выплатить долги – поэтому Джейн начала собирать вырезки из газет о проблемах японской экономики и «случайно» оставлять их на кровати Люси. Когда маневр не сработал, Джейн записала Люси на прием к медиуму, в надежде, что мудрость потустороннего мира поможет там, где не помогли материнские

мольбы. (Люси отменила встречу.) Наконец, за несколько часов до рейса в Токио Джейн пошла на крайность – спрятала паспорт Люси. Руперт Блэкман вспоминал, как мать стояла на лестнице, размахивала паспортом и что-то кричала его сестре. Правда, вскоре она одумалась:

– Мне стало ясно: если я спрячу паспорт, дочь получит новый, но настроится против меня. А мне не хотелось, чтобы она ехала в Японию мне наперекор.

Вэл Берман раздражала суета Джейн.

– Не понимаю, почему ты так себя ведешь, – говорила она подруге. – Можно подумать, у тебя кто-то умер.

И Джейн ответила:

– У меня как раз такое чувство.

Конечно, Люси не перестала быть собой. В марте она воспользовалась возможностью полететь в качестве стюардессы в Сан-Паулу и провела там недельный отпуск с Сэм. Правда, она подхватила грипп и большую часть времени провалялась в гостиничном номере, но шопинг стал для девушки утешением. Когда лимит кредитки подошел к концу, Люси оплатила покупки картой «Американ экспресс», которую дал ей Джейми. Вскоре ее долг вырос еще на одну тысячу фунтов из-за покупки огромной железной кровати в «Маркс-энд-Спенсере». Впрочем, этот поступок, очень в духе Люси, убедил друзей, что девушка все-таки планирует вернуться из Токио.

– Она называла ее «ложом принцессы», – вспоминала Сэм. – Большая двуспальная кровать с металлическим каркасом, довольно старомодная, с чудесным толстым матрасом и красивым постельным бельем, которое отлично смотрелось. Когда Люси возвращалась домой, ей хотелось именно этого: нежиться в собственной кровати. Она все время твердила, что мечтает об уюте.

А вот о еще одном новом «приобретении», которое отчасти объясняло ее непривычное поведение, девушка предпочитала молчать. Алекс, молодой австралиец, работал барменом в пабе «Блэкбой». Ему было восемнадцать – на три года младше Люси. Она познакомилась с ним всего за месяц до поездки в Японию.

– Со своими курчавыми каштановыми волосами он напоминал серфингиста, – вспоминала Софи. – Такой привлекательный. Он очень нравился сестре, на самом деле нравился.

Даже через много лет после смерти Люси Джейми Гаскойн понятия не имел, что она бросила его ради нового парня; не знала об этом и их общая близкая подруга Сэм Берман.

Последняя ночь Люси в Британии – вторник, 2 мая, – тоже полна загадок. У близких друзей и членов семьи остались самые разные воспоминания о том, как и с кем она провела тот день. Тим Блэкман уверен, что тем вечером дочь была с ним: они ужинали в ресторане в Северноуксе с Софи и Рупертом. Гейл Блэкман считает, что они с сестрой и Люси выпивали в пабе. Софи точно знает, что Люси провела большую часть вечера со своим новым парнем Алексом. Воспоминания Джейн о последних нескольких часах с дочерью смазались из-за сильного волнения, но в них точно нет ни Тима, ни Алекса. Лучше всех последнюю ночь запомнили Сэм Берман и ее мать Вэл. Обе ни капли не сомневались, что Люси была с ними.

– Она забежала в гости к моей матери, – рассказывала Сэм. – И больше всего нас поразило, что Люси не составила список дел, которые надо успеть сделать. Кое-какие вещички она сложила, но в остальном почти не подготовилась, хотя обычно собиралась заранее. А еще она немного грустила из-за отъезда, словно вообще не хотела никуда ехать. Вспоминала возможные минусы, а потом сама себе возражала и настраивалась на поездку. Будто до сих пор сомневалась, хотя идти на попятную уже было поздно. Думаю, беда в том, что она пообещала Луизе и не хотела ее подводить.

Вэл вспомнила, как Люси рассказывала о Джейн и атмосфере в доме.

– У них все постоянно кричали, – сокрушалась Вэл. – Кричали Джейн и Софи, Софи и Люси. Если бы она набралась терпения, через несколько лет все наладилось бы само собой и стало немного легче. Но в тот момент Люси исполняла роль взрослой при матери. Люси говорила мне, что Джейн очень давит на нее. Они спорили об отъезде, и, думаю, скандалы только добавили Люси решительности. Возможно, ей казалось, что у нее нет выхода, и Япония как раз представлялась хорошим решением... Ей нужно было передохнуть, пожить без Джейн.

По воспоминаниям Софи о том дне, вечером к ним заехал Алекс, и она оставила его с сестрой наедине.

– Оправившись спать, – рассказывала она, – я стала думать о том, что хочу сказать Люси до отъезда, и решила записать свои мысли. Начала составлять короткое прощальное письмо, а в итоге получилось серьезное послание. Я начала с того, как здорово расти под присмотром старшей сестры, которая всегда защитит и поможет в трудные периоды жизни. Записка превратилась в письмо на восемнадцати листах. Помню, я плакала, когда писала его, – не просто прослезилась, а прямо-таки рыдала. Страшно говорить, что я обращалась к ней будто в последний раз, но такова горькая правда. Сестра уезжала всего на три месяца, так бывало и раньше. Но когда я думаю о том письме, у меня перехватывает дыхание. Мне видится в нем что-то роковое. Когда Люси улетала по работе, мы тоже прощались, но строили дальнейшие планы. А вот когда она говорила о Японии, я не могла даже думать о будущем. Мне было трудно представить ее возвращение.

Рейс в Токио отправлялся в полдень. Еще до рассвета за Люси заехала мама Луизы Морин Филлипс, чтобы отвезти подруг в аэропорт Хитроу. Люси зашла в комнату Софи и в темноте поцеловала ее на прощание.

– Сестра вручила мне открытку, – вспоминала она, – а я дала ей свое письмо и попросила: «Не вскрывай, пока не сядешь в самолет». Она прилегла ко мне на кровать и обняла меня. Мы обе чуть не плакали. Потом настало время расставаться. Я сказала: «Люблю тебя», и сестра ушла.

Люси был двадцать один год, когда она навсегда покинула родной дом. Ее любили и друзья, и семья, пусть и распавшаяся. Она была другом, а то и матерью и для собственной матери, и для брата с сестрой. Она много раз летала на самолете, но впервые отправлялась так далеко от дома и ото всех, кто был ей близок, – в настоящее Зазеркалье, настолько далекое и незнакомое, насколько вообще можно представить. Те, кому было не все равно, очень тревожились за Люси. За последние недели вокруг девушки, чье сердце раньше казалось открытым и чистым, множились тайны и недомолвки. Не считая Луизы, никто, наверное, не знал всей правды о том, что ждет их в Японии и как сложится их жизнь. Многие задавали вопросы, но ответы ничего не разъясняли. Правда о Люси Блэкман растаяла во мраке неизвестности.

Последним с Люси говорил Джейми Гаскойн – за несколько минут до того, как она села в самолет. Он рассказывал:

– Я ей позвонил, но линия была занята: видимо, Люси с кем-то говорила. Тогда я продолжил звонить, набирал ее номер снова и снова через каждые пять минут, и наконец она ответила. Я спросил: «Все в порядке, малыш? У тебя все хорошо?» Совершенно естественный вопрос, ведь мне казалось, что мы по-прежнему вместе. Я сказал: «Я очень тебя люблю, пожалуйста, не уезжай. Никто не хочет, чтобы ты уезжала». Она ответила: «Да, я знаю. Сама не понимаю, правильно ли поступаю. – А потом: – Мне пора на борт». Она поднималась по трапу, и по голосу было заметно, что она идет против воли. Я верю в судьбу. Всему есть причина. Знаете, иногда прямо чувствуешь, что совершаешь ошибку. Думаю, под конец Люси и сама поняла, что зря решилась на такой шаг. Но она уже зашла слишком далеко, и пути назад не было. Нельзя же повернуться к Луизе и сказать: «Слушай, я не могу поехать». Я слышал в

трубке свист ветра и рев моторов на заднем фоне. Люси сказала: «Я на трапе, уже поднимаюсь». Ая подумал: «Сойди с него, сойди – и просто не уезжай». Но она не сошла, вот и все. Люси села в самолет – и больше ее нет.

Часть II Токио

Город с человеческим лицом

Перелет из Хитроу в аэропорт Нарита занимает меньше двенадцати часов, но немного найдется перелетов, которые вызывают ощущение столь резких перемен. Поднявшись в небо, Люси и Луиза видели крыши Лондона, поля Восточной Англии и Северное море. Когда подали ланч и закончился первый фильм, который показывали на борту, они были над Сибирью. Ее просторы лайнер пересекал еще семь часов. Со всех сторон расстилалось поражающее воображение огромное пустое пространство тундры: в двенадцати тысячах метров под ними проплывали занесенные снегом извилистые горные гряды и необычайно широкие темные реки, сверкающие в лучах солнца. Подруги путешествовали сквозь пространство и время. Они вылетели в полдень, провели в воздухе весь день и приземлились только к ночи, когда по их внутренним часам уже пора было спать, – а встретило их яркое утреннее японское солнце.

«Сейчас в Токио 9:13, а в Англии – 00:10, – писала Люси в дневнике сразу после приезда. – Я сижу в метро на чемодане, и меня переполняют чувства. Я очень устала... а еще волнуюсь, чувствую себя потерянной, мне страшно и оч. жарко! Надеюсь, что скоро сумею оглянуться на эти минуты и посмеяться над собственной наивностью и нынешними тревогами перед неизвестностью».

За все месяцы работы бортпроводницами ни Люси, ни Луиза еще не бывали в столь радикально и волнующе чужой стране. За обнесенными колючей проволокой поставными вышками

аэропорта Нарита зеленели затопленные рисовые поля, а на черепичных крышах домов развевались красные, желтые и черные флажки со стилизованным изображением карпа. Но приметы Востока тут же уступали место Большому Токио, который выползал за края административных границ, поглощая города-спутники, как голодная амеба. Железная дорога бежала над застывшим пейзажем: над серебристо-серыми офисными зданиями, малоэтажными многоквартирными домами с металлическими пожарными лестницами и над «отелями любви» без окон, но с сияющими неоновыми вывесками «Мария Целеста» или «Страна чудес». Затем появились мосты, переброшенные через широкие неподвижные реки, и наконец открылся вид на южную часть Токийского залива с его островами, плотно застроенными конструкциями из стекла и алюминия. В пасмурную погоду вода казалась темной и смолянистой, а здания – матовыми и мертвыми. Но на солнце все сверкало серебром: переливающиеся алмазными гранями башни и огромные выпуклые сферы, ощетинившиеся вышками линии электропередач и приземистые корпуса электростанций и нефтеперерабатывающих заводов, изящные арки Рейнбоу-Бридж⁸.

В столичном мегаполисе проживают тридцать миллионов человек. Не считая редких островков зелени парков, храмов, монастырей и Императорского дворца, город простирается сплошным полотном вплоть до гор Окутама в 64 километрах к западу. Если выглянуть из самого высокого небоскреба, больше ничего и не разглядеть – за исключением разве что самых ясных дней, – только Токио, а за ним еще больше Токио, серого, коричневого и серебристого, бесформенно растекающегося во всех направлениях. И все же впечатление, создаваемое титаническим размахом и плотностью застройки, прямо противоположно хаосу. Токио выглядит чистым и четко очерченным; никакого шума, никакой грязи, как во многих азиатских городах. Окутанный пеленой безразличного спокойствия, он сочетает в себе мощь двигателя и точность часов.

Большинство тех, кто попал сюда впервые, прежде всего отмечали совершенно особую атмосферу Токио, вызывающую не столько открытую радость, сколько потаенное возбуждение от близости неведомых возможностей. «Уже здесь все совсем другое, – писала Люси на платформе станции метро „Аэропорт Нарита“, пройдя по японской столице всего несколько сот метров. – Только что отъехал самый современный на свете поезд. Внутри стоял крошечный человечек в синем костюме и безупречно белых перчатках. Я совершила первую покупку: бутылку питьевой воды, всю сверху донизу в надписях на японском... Я сижу, и в лицо откуда-то дует теплый ветер. Мысленно я молюсь, чтобы это был ветер перемен, который осуществит все мои мечты».

Приезжая в Токио, меняешься. Это ощущается буквально на физическом уровне. Во-первых, травмирует разница во времени, когда оказывается, что сейчас не середина ночи, а день, и наоборот. Еще сильнее выводит из строя внезапная потеря родного языка; иностранец моментально превращается в безграмотного, не способен не только общаться, но даже что-либо понимать. Небольшой рост местных жителей, низкие двери и потолки, узкие стулья, даже маленькие порции блюд создают у человека иллюзию, будто он подросток, как Алиса в кроличьей норе. В двадцатом веке мало кто из жителей Токио открыто глазееет на иностранцев, однако все равно ощущается подспудное любопытство толпы – никто вроде бы не смотрит, не проявляет излишнего внимания или негатива, однако европейца не покидает глубокое внутреннее осознание непохожести на других. В Японии приезжий обретает новую национальность – «гайдзин», иностранец. Столь чуждая реальность будоражит и зачастую изматывает.

«Здесь жизнь никогда не воспринимается как должное, не становится рутинной, – писал журналист Дональд Ричи, переехавший в Токио из Америки. – Такие чувства переживает тут любой наблюдательный иностранец. Каждую секунду бодрствования по нему словно пробегают

⁸ Висячий Радужный мост, одна из достопримечательностей Токио.

электрические разряды, он постоянно подмечает, узнает, оценивают новое и делает выводы... Мне нравится, когда жизнь требует усилий, а не течет сама собой».

Однако такое не случилось с Люси и Луизой. Даже не осознав, что совершают важный выбор, они отвернулись от всего японского в Японии. Люси оставалось жить пятьдесят девять дней, и она провела их на нескольких сотнях квадратных метров площади Токио, существующих для удовольствия и выгоды гайдзинов, – в квартале Роппонги.

В дневное время можно миновать Роппонги и даже его не заметить. Когда едешь в автомобиле, видишь лишь участок восьмиполосной дороги между станцией «Сибуя» и рвами Императорского дворца, где чуть оживленнее, чем в других районах. Скоростная автострада Шүто, проходящая над Роппонги-авеню, образует над головой бетонный купол с темной расщелиной в автомагистрали. Высоко на углу перекрестка на гигантском экране мерцает реклама; взгляд натывается на «Макдоналдс», кофейню, банк, суши-бар. Пешеход, у которого есть время осмотреться, заметит восьми- и десятиэтажные здания, выстроившиеся в ряд вдоль Аутэмоут-Ист-авеню, перпендикулярной Роппонги-авеню. На каждом из домов от крыши до тротуара вертикально установлены узкие вывески с названиями десятков баров, клубов и кафе, которые можно найти внутри. По фасадам бетонных или облицованных бежевой плиткой зданий бегут перегоревшие неоновые трубки, покрытые пылью и копотью от выхлопных газов. Здесь множество пешеходных переходов и спусков в метро, а под автострадой с севера на юг растянулся над перекрестком загадочный девиз Роппонги на английском языке: «Хай-тач-Таун» – «Город с человеческим лицом».

В рабочее время Роппонги оккупируют горожане, ведущие дневной образ жизни: служащие ходят по магазинам и обедают в ресторанах, по улицам бегают крошечные школьники в крошечных форменных костюмчиках, а по собственной огороженной территории к северу от перекрестка двигаются чиновники Министерства обороны Японии. Все меняется, когда день плавно переходит в вечер, и люди в деловых костюмах покидают кабинеты и набиваются в пригородные поезда. С наступлением темноты на домах загораются пока еще редки неоновые огни, и молодые иностранки стекаются в фитнес-клуб за полицейским участком Азабу. Через два часа, когда они выходят оттуда, Роппонги просыпается от своего вампирского сна. В разгар вечера все в этом районе становится другим: звуки, запахи, взгляды и прикосновения.

Начало мая, когда сюда приехали Люси и Луиза, знаменуется переходом от месяцев прохлады к жару; за несколько недель весенний воздух наполняется зноем и влагой. Ночью лишь не намного прохладнее, чем днем, а в июне начинается сезон дождей, когда влажность так высока, что капли воды оседают на коже. Лето приносит с собой запах неглубокой токийской канализации – неожиданное здесь зловоние третьего мира, к которому примешиваются запахи пиццы, жареной курицы, рыбы и духов. (Единственное, чем никогда не пахнет в Японии, это потом.) Над перекрестком светится гигантский рекламный щит, заливая улицу беспрестанно меняющимися изображениями автомобилей, одежды, алкоголя, еды и девушек. Неон вывесок оживляет окружающее пространство, скрывая убогость бетонных зданий. Гул автострады, вызывающий головную боль, перекрывается гвалтом текущего по тротуару людского потока, который и придает Роппонги своеобразие.

Здесь на площади радиусом в несколько сотен метров спрессовано пестрое человеческое и этническое разнообразие, которого не найдешь в остальной Японии. Роппонги не особенно модный квартал; в Токио есть множество более интересных развлекательных районов в плане качества, разнообразия или цен. Элегантный Гинза со старомодными универмагами и обходительными людьми среднего возраста, авангардная уличная жизнь Синдзюку с колоритными гангстерами и секс-шоу, а также Сибуя – владения лощеной ультрамодной молодежи. Конечно, иностранцев можно встретить по всему Токио, но только в Роппонги их присутствие составляет саму суть района. Даже если большинство людей на улицах японцы, именно иностранцы выделяются среди них, именно они являются уникальной чертой и особенностью Роппонги.

Здесь есть иностранцы, которые пришли сюда с другими иностранцами; есть японцы, которые пришли с иностранцами; есть иностранцы (обычно мужчины), которые желают провести время с местными (обычно женщинами), которым нравятся иностранцы. В Роппонги можно встретить людей, которых больше нигде не увидишь; это единственное место в Японии, где вызывающее трепет, хоть и давящее ощущение непохожести, ощущение себя гайдзином, исходит даже от храмов и монастырей.

В разинутой пасти метро и в толпе на перекрестке попадают лица со всех концов света: бразильские бармены, иранские каменщики, русские модели, немецкие банкиры, ирландские студенты. Каждой этнической группе соответствует определенное ремесло. Например, иностранец, который попытается продать тебе фотографию в рамке или картину (заката, улыбающегося ребенка, красивой женщины, выгуливающей пуделя), почти всегда окажется израильтянином. Китайские и корейские девушки в длинных платьях, разгуливающие у «массажных» салонов, хватают за рукава проходящих мимо мужчин и шепчут: «Массаж, массаж, массаж...» Когда в порту Йокосука стоял авианосец ВМС США «Китти Хок»⁹, все значные места были забиты американскими матросами и морскими пехотинцами, и в Роппонги наблюдалось еще одно явление, которое почти не увидишь в других районах, – пьяные драки.

Среди прочих здесь выделяются еще три категории людей.

Во-первых, африканцы. Чернокожие обособлены в особую категорию гайдзинов. Даже в центре Токио они до сих пор притягивают взгляды, и нигде в стране их не встретишь в таком количестве, как на отрезке Аутэмоут-Ист-авеню длиной в четыреста метров к югу от перекрестка. Как и у других этнических групп, у них своя функция в механизме Роппонги: работа зазывал в стрип-клубах, хостес-барах и салонах приватного танца. Небольшой клан ухоженных мальчиков-японцев с аккуратной стрижкой ежиком ищут клиентов среди местных, но заправляют на улице африканцы – жители Ганы, Нигерии и Гамбии. Многие из них обитают здесь уже много лет и даже говорят на приличном японском. В их внешнем виде нет ничего угрожающего, они тепло улыбаются, обращаясь к проходящему мимо мужчине; одну руку дружески кладут ему на плечо, а другой протягивают рекламный листок кричащего цвета. Их скороговорка преследует гайдзина сотню метров, тихим баритоном передаваясь от одного зазывалы к другому:

– Добрый вечер, сэр! Клуб для джентльменов в Роппонги. Топлесс-бар, сэр, красивые леди. Сексуальные девочки, сэр, голые сверху, снизу. Сиськи и задницы, сэр. Сиськи, задницы, сиськизадницысиськи, сиськизадницысиськизадницысиськи. Всего лишь загляните. Послушайте, семь тысяч иен. Слушайте, можно за три тысячи иен полчаса. Просто зайдите и посмотрите.

Полиция была бы не против арестовать и депортировать этих людей, но почти у всех чернокожих имеются жены-японки. Иногда браки фиктивные, продлеваемые каждый год за определенную сумму наличных. Однако они дают мужьям право жить и свободно работать в Японии на любом поприще, какое они себе выберут. И тут полиция ничего поделать не может.

Вторую заметную группу местных обитателей обожает большинство мужчин, проводящих ночи в Роппонги, – это девушки Роппонги, те самые японки, которым нравятся иностранцы. Периодически их откровенные наряды и раскрепощенность вызывают осуждение японской прессы; их внешний вид меняется с каждой новой волной уличной токийской моды. В начале 1990-х танцевальный клуб «Джулианаз Токио», который давно уже закрылся, породил новый стиль, известный под названием «боди-кон»: тесная, практически ничего не скрывающая и подчеркивающая все изгибы тела одежда, которая встречалась на самых известных танцполах. К тому времени, когда в Токио приехали Люси и Луиза, «боди-кон» уступил место ради-

⁹ Корабль исполнял функции авианосца передового базирования у берегов Японии с 1998-го по 2008 год.

кальному образу «гангуро»: ярко-оранжевый искусственный загар, пепельные волосы, белые тени и губная помада. По четвергам, пятницам и субботам такие девушки, похожие на галлюцинацию или пугало ярких люминесцентных цветов, парами разгуливали по Роппонги, покачиваясь в сапогах на платформе высотой с ходули. Они приезжали из пригородов и дальних префектур, проводя вечер, а потом и всю ночь в клубах и барах «Мотаун», «Гэспаник» и «Лексингтон-Куин». На рассвете по пятницам, субботам и воскресеньям чуть менее плотный поток гангуро, которым не повезло, печально возвращался домой в провинцию на первом пригородном поезде.

И наконец, среди уличных масс Роппонги выделялась третья группа: молодые девушки европейской внешности, которые работали танцовщицами, стриптизершами и хостес. Они появлялись на улицах к середине вечера, одетые в джинсы и футболки, с блестящими после душевой в фитнес-центре волосами. Прежде чем зайти в свой клуб или бар, чтобы переодеться и накраситься, они заправлялись в «Макдоналдсе», «Кей Эф Си» или суши-ресторане на углу. От туристок они отличались целенаправленностью движения, и, несмотря на самое разнообразное происхождение – а приезжали они из Австралии, Новой Зеландии, Франции, Британии, Украины, – у них было что-то общее, не считая молодости и красоты: трудноуловимое выражение рта или манера держаться, выражающие презрение, раздражение и даже неприязнь. В отличие от дружелюбных японок Роппонги, европейки казались неприступными. Их ряды и дополнили Люси и Луиза.

У Луизы действительно была японская тетя, жена младшего брата ее матери. Но Масако жила в Южном Лондоне, а не в Токио. Рассказы о том, что она приютит девушек в Японии, были выдумкой, чтобы успокоить Джейн Блэкман. У сестры Луизы, Эммы, все еще оставались друзья в Токио, и через одну из ее подруг, шотландку по имени Кристабель, девушки забронировали ту самую комнату в Сасаки-хаус. Путешествие на поезде из аэропорта оказалось трудным и утомительным, приходилось постоянно делать пересадки и идти по крутым лестницам. Тяжелые чемоданы оттягивали руку, высокие каблуки превращали ходьбу в мучение, и девушки покраснели и взмокли от пота, когда вытаскивали свои вещи из ужасающе дорогого такси, которое довезло их до конечной остановки – их нового дома.

Подруги думали, что поселятся в обычном хостеле с чистым хрустящим бельем и услужливой девушкой-администратором. Вместо этого их ждало жилье особой японской категории, известной как «дом гайдзинов»: гостевой дом с отдельными комнатами, которые снимали приезжающие ненадолго в Токио бюджетные визитеры – учителя английского, уличные продавцы и те, кто работал по ночам. Снаружи под окнами теснились велосипеды и горшки с засохшими цветами; в корзинке для кошки сидели огромные черные вороны, а над головой висели провода.

– Отвратительное место, – вспоминала Луиза. – Мы были просто в шоке. Мы заглянули в гостиную, там на диване неподвижно сидели два человека. А в комнате мы нашли Крису, которая делала себе прическу. Она намазывала волосы толстым слоем липкого масла, похожего на жир. Все постояльцы курили марихуану, и в комнате ужасно воняло. Сквозь дым почти ничего не было видно.

Занавески на окне крошечной комнатки отсутствовали, и Люси и Луизе пришлось завесить его саронгами, чтобы спрятаться от утреннего солнца. Впрочем, не сказать, что там было так уж светло; единственное, что виднелось из окна, – бетонная стена соседнего дома. На дешевых матрасах не было простыней, зеркало треснуло, а напольный унитаз в ванной просто не поддавался описанию. На превращение «помойки» в пригодное для жизни место с помощью постеров, открыток, свечей, занавесок, ушла вся первая неделя жизни девушек в Токио. В более убогом месте им еще не приходилось жить.

Большую часть следующего дня они проспали, сраженные жарой и сменой часовых поясов. А вечером в пятницу поехали в Роппонги на арендованных велосипедах, почти не сомневаясь, что найдут работу. Криста, которая сама работала хостес, дала им названия нескольких клубов, но подруги никак не могли их найти. Тут к ним подошел симпатичный молодой японец и спросил, может ли он им помочь.

– Вы ищете работу? – уточнил он.

Не интересует ли их профессия хостес? Если они пойдут с ним, пообещал японец, он познакомит их с нужными людьми.

Люси и Луиза с опаской пошли за новым знакомым по Аутэмоут-Ист-авеню и завернули в одно из зданий с неоновыми вывесками. В первом клубе вакансий не оказалось, но во втором подруг встретили радушно. Молодой провожатый явно хорошо знал менеджера, хмурого мужчину по имени мистер Ниши. Управляющий оглядел девушек с ног до головы, задал несколько элементарных вопросов – возраст, национальность, где остановились, – и тут же предложил им работу. Через несколько дней после приезда в Японию Люси и Луиза уже трудились в качестве хостес в маленьком ночном клубе Роппонги под названием «Касабланка».

«Гейша! (шутка)»

Если не знать, что именно ищешь, то можно тысячу раз пройти мимо и даже не заметить клуб «Касабланка». Он расположился в коричневом неприметном здании. С улицы единственным признаком его существования служила длинная вертикальная вывеска, где встречались и более экзотичные и интригующие названия: «Раки-раки», «Гей артс стейдж» и «Севенс хэвен» – один из самых больших стрип-клубов, пылающий неон которого выделялся среди прочих на фасаде. Заведение «Касабланка» находилось на шестом этаже. Лифт поднимал гостей к массивной, обитой кожей двери с медной дощечкой с названием клуба.

За дверью открывалась тускло освещенная комната примерно 6 на 18 метров. Слева за невысокой барной стойкой поблескивали ряды бутылок. Справа на возвышении стояли синтезатор и экран с колонками для караоке. Вдоль стен располагались бледно-голубого цвета диваны с креслами и двенадцать низких столиков. На стенах с трудом угадывались фотографии и картины в рамах.

Мужчина азиатской внешности и неопределенного возраста усаживал клиента за один из столиков, на котором стоял замысловатый стеклянный сифон с водой. Приносили ведро со льдом, пару металлических щипцов и широкий графин с виски – приспособления и ингредиенты для приготовления мидзувари, смеси виски с водой, традиционного напитка «белых воротничков». Несмотря на признаки роскоши – кожаная дверь, официанты и бармен в черных галстуках-бабочках, – настоящим шиком здесь и не пахло. Виски в графине был дешевым и отвратным, синтезатор – примитивным и работающим через раз, сифон, которым владельцы силились впечатлить гостей, с трудом выдавливал каплю воды. Клуб пытался создать обстановку томной роскоши, однако выглядел скорее простецким, чем изысканным, с унылой претенциозностью лаунжа второго класса на недорогом круизном лайнере, убыточного казино в Лас-Вегасе или английского сельского клуба 1970-х. Казалось, вот-вот появится официант с блюдом кубиков ананаса и чеддера, проткнутых шпажками.

Но заведение находилось в Японии, и для местных обладало магической привлекательностью. А причина этой привлекательности размещалась за двумя столиками у бара: иностранные хостес, причем большинство, хоть и не все, европейской внешности.

– Место было довольно мрачное и вызывало странные чувства, – рассказывал Хадзимэ Имуре¹⁰, издатель, который пару раз заходил в «Касабланку», когда там работала Люси. – Там царила атмосфера тайны и недосказанности. Зал темный, в черных и синих тонах, темные столы со стульями. Слишком горластый певец с Филиппин. Хозяин среднего возраста, несколько официанток, возможно, филиппинок или азиаток. Около десяти девушек-хостес разного цвета кожи – европейки, израильтянки или вроде того.

Когда клиент принимал свою дозу мидзувари, менеджер подавал сигнал сотрудникам-иностранкам за столиком. Две из них поднимались и подходили к клиенту, и начиналось обслуживание.

Что именно подразумевала должность хостес? Для западных ушей определение звучит неестественно и почти неприлично, едва ли лучше «эскорта», – оно наводит на мысли о дешевых духах и грязных подвалах в Сохо или на Таймс-сквер.

– Мы просто в осадок выпали, когда услышали, – призналась Сэм Берман, которой Люси позвонила через несколько дней после прилета в Токио. – Что значит «хостес»? Мне показалось, Люси немного нервничала во время нашего разговора. Думаю, ей было неловко, потому что раньше она говорила нам одно, а на деле оказалось совсем другое, и мы забеспокоились. А она меньше всего хотела тревожить родных.

¹⁰ Псевдоним. – *Примеч. авт.*

Софи полагала, что в обязанности сестры входило «улыбаться гостям и смеяться над их глупыми шутками. Никаких: „Покажи сиськи“ и „Сколько берешь за час?“. Это совсем другое». Впоследствии, когда вопрос о сути профессии хостес стали обсуждать в британских бульварных газетах, Софи придумала объяснение для скептически настроенных журналистов: «Единственное отличие между обслуживанием в „Бритиш Эйруэйз“ и в „Касабланке“ – это высота».

Месяцы спустя Тим Блэкман получил длинное душевное письмо от одного милого пожилого джентльмена по имени Ихиро Ватанабэ¹¹, постоянного клиента «Касабланки». Он выражал свою обеспокоенность исчезновением Люси и пояснял: «Этот клуб совсем не такой, каким его описывает недобросовестная пресса, которая питается вульгарными сплетнями и опирается только на беспочвенные домыслы. Работа вашей дочери заключалась лишь в том, чтобы зажечь клиенту сигарету, смешать для него виски с водой, спеть вместе в караоке и поддерживать беседу. Вот и все и ничего больше, именно так, как она говорила матери: „Что-то вроде официантки“. – И дальше японец добавлял аккуратным почерком: – Я пишу не для того, чтобы самому покрасоваться, я действительно хочу защитить честь вашей дочери!»

И Ватанабэ в общем и целом говорил правду.

Клуб открывался в девять. Перед открытием в узкой раздевалке красились, снимали джинсы и футболки и переодевались в платья по двенадцать, а то и по пятнадцать девушек. Они приезжали со всех уголков мира, хотя летом 2000 года преобладали британки: Люси с Луизой и Мэнди из Ланкашира с Хелен из Лондона, а также Саманта из Австралии, Ханна из Швеции, американка Шэннон и румынка Оливия. В клубе работали трое мужчин: Тэцуо Ниши, менеджер, пятидесятилетний мужчина с оспинами на лице, Кац, японец-бармен, и филиппинский певец, чье имя никто не мог вспомнить. Кац и Ниши решали, каких девушек отправить к клиенту, стратегически распределяя хостес между столиками. Они же кратко инструктировали их насчет обязанностей. В основном речь шла о запретах: не допускать, чтобы клиент сам наливал себе виски или прикуривал сигарету. А главная задача сводилась к беседам.

Однако все было не так просто, как кажется. Мало кто из хостес мог сказать по-японски что-нибудь кроме «да, спасибо» и «простите», и, хотя не говорящий по-английски клиент вряд ли зачастил бы в «Касабланку», уровень языка у гостей был очень разным. Для кого-то несколько часов с хостес-иностранкой служили чем-то вроде урока английского. Некоторые даже делали заметки, и о непринужденной беседе, какую обычно завязывают с незнакомым человеком, не шло и речи. Но спорить с клиентом, возражать ему или оставлять его одного не позволялось. Журналистка Мо Хайдер, тоже подвизавшаяся хостес, сравнивала работу с тем, когда «приходится любезничать с коллегой, который тебе не очень-то интересен. Я спрашивала, где они работают, что делают в Токио. Я льстила им, мол: „Какой у вас красивый галстук“. И многие галстуки мне действительно очень нравились!»

– Просто несешь всякую чушь, – объясняла Хелен Дав¹², которая работала в «Касабланке» одновременно с Люси и Луизой. – «Как прошел ваш день?» Или стараешься наговорить комплиментов: «Вы такой симпатичный мужчина, спойте мне что-нибудь». Они говорят, какая ты красивая. Ты рассказываешь об Англии, он – о командировке в Лондон. Через несколько недель я все это возненавидела. Невероятно скучно и утомительно. Одни и те же разговоры каждый вечер, глупые разговоры с людьми, на которых тебе плевать. Некоторые девушки отлично справлялись и держались дружелюбно. Мне же было очень трудно поддерживать беседу. Чистой воды надувательство. И не важно, что я не умела петь, потому что караоке стояло повсюду и неизбежно приходилось петь дуэтом.

Конечно, не обходилось и без откровенного разврата.

¹¹ Псевдоним. – *Примеч. авт.*

¹² Псевдоним. – *Примеч. авт.*

– Думаю, многие говорили о сексе, – признавала Хелен. – Я изо всех сил старалась избегать этой темы.

Впрочем, за четыре недели ее работы в «Касабланке» единственным, с кем она действительно опасалась встречаться, был мужчина, помешанный на Одри Хэпберн.

– Он искал похожих на нее брюнеток – белокожих и с большими глазами, – объясняла Хелен. – Одна девушка ушла с работы через две недели, потому что он вел себя очень мерзко. Постоянно напоминал: «Теперь ты моя!» и «Я заплатил за тебя, теперь ты принадлежишь мне!» и лез обниматься. Она уволилась, и тогда он переметнулся ко мне. Но я сопротивлялась, не позволяла ему дотрагиваться до себя.

Еще хуже подонков были зануды. Девушкам-хостес приходилось вести настолько нелепые и бессмысленные разговоры, что сторонний наблюдатель не удержался бы от смеха. Хадзимэ Имура, издатель, вспоминал, как пытался развлечь Люси историями о своих подвигах на рыбалке, когда ловил кальмаров.

– Я тогда поймал очень много кальмаров и рассказал ей об этом, – поведал он мне. – И больше я о ней не слышал.

Один клиент подробно обсуждал с Люси, как работают вулканы. Лекция закончилась созданием модели кратера активного вулкана из того, что нашлось на столе: ведро со льдом стало горой, вода в кувшине – лавой, а сигарета – источником дыма.

Пожилой мистер Ватанабэ без труда находил темы для разговоров, о чем и сообщил в своем письме к Тиму Блэкману. Он нравился всем девушкам в «Касабланке» благодаря возрасту, необыкновенной вежливости и частым посещениям. Они прозвали его «фотографом» за привычку делать бесчисленные фотоснимки, а потом приносить в клуб распечатанные кадры, аккуратно разложенные по альбомам, и показывать их девушкам. Люси оправдала его старания.

– Мы вели интересную и содержательную беседу, которая длилась три часа, – вспоминал он об одном вечере с ней. – Мы говорили об истории Англии, литературе, искусстве, писателях, художниках, взаимоотношениях Британии с Японией с незапамятных времен, сходстве и различиях нравов и менталитета обеих национальностей, об английском чувстве юмора, которое я очень ценю, и так далее.

Как повлиял столь взвешенный и серьезный разговор на простую двадцатидвухлетнюю девушку-хостес, можно только догадываться.

Так или иначе, вечера в «Касабланке», пусть скучные и порой нелепые, каким-то образом успокаивали. В тусклом голубом коконе, под присмотром Каца и вечно хмурого Ниши, девушки, которые там работали, чувствовали себя в безопасности.

В Японии, где все всегда на своих местах, хостес-клубы тоже вписаны в определенную структуру. Весь спектр ночных заведений, которые можно найти в Роппонги, – дешевых и дорогих, честных и скандальных – объединялся под красивым и загадочным термином «мидзу сёбай», что буквально означает «торговля водой». Шла ли речь о выпивке, служившей неотъемлемым атрибутом ночной жизни? Или о мимолетных удовольствиях, утекающих, как вода в ручье? Помимо того, образ воды наводит на мысли о сексе, родах, утоплении. С одной стороны, термин «мидзу сёбай» подразумевал общество гейш – женщин, которые с исключительным мастерством и изяществом развлекают гостей и которых можно найти только в самых старомодных кварталах Киото и Токио. С другой – жестокие садомазохистские клубы, где за деньги можно опуститься на самое дно. Между этими крайними точками простиралось целое море заведений – убогих и элегантных, дешевых и дорогих, общедоступных и эксклюзивных.

Некоторые японцы включают в понятие «мидзу сёбай» и обычные бары, пабы и караоке-кафе, но в большинстве случаев подразумевается присутствие красивых женщин для развлечения мужчин, по крайней мере в теории. В роли хостес может выступать и обычная «мама-

сан» из крошечной закуской по соседству (по-японски – сунакку) – стойка с четырьмя стульями, обслуживаемая хозяйкой-барменшей средних лет, чье искусство соблазнения давно сошло на нет. В некоторых сунакку работают официантки-хостес помоложе, которые болтают с клиентами и разливают напитки по указанию мамы-сан. Более качественный сервис можно получить в хостес-барах и клубах крупных городов, где беседы с женщинами и караоке предоставляются за деньги, наряду с выпивкой и закусками. В «клубах для джентльменов» женщины подсаживаются за столик, а также раздеваются догола во время публичного стриптиза или наедине с клиентом в ходе частных танцев в отдельной кабинке. Танцовщица изгибается и скачет верхом на клиенте, которому разрешено трогать ее грудь, а в некоторых заведениях можно зайти и дальше. Так что барменша может стать хостес, хостес – стриптизершей, а стриптиз превращается в проституцию.

Ни одна нация не сравнится с японцами в умении маскировать платный секс за другими услугами в обход и без того уклончивых и не действующих на практике законов против проституции. Единственное, что строго воспрещается, – взимание платы за традиционный секс мужчины с женщиной. Минет и мастурбация во всех вариациях разрешены, но отследить, каким образом достигнут оргазм, – посредством рук, что законно, или вагинально, что незаконно, – все равно невозможно. Помимо того, чтобы скрыть очевидное, компании дают своим многочисленным секс-услугам такие запутанные названия и так быстро их меняют, что даже специалист не разберется.

В Роппонги есть «массажные» салоны, где небрежное растирание тела – лишь прелюдия к доведению прикосновениями до оргазма. Есть места «фэшн херусу» («модное здоровье»), которые предлагают широкий спектр услуг – за исключением традиционного секса. Например, «сопу рандо» («мыльная страна» – когда работницы моют клиента, используя вместо губки собственное тело), или «дэри-херу» («доставка здоровья») – сексуальные услуги на дому или в отеле клиента; «эсс-тэй» (название происходит от английского выражения «эстетический салон») – сексуальный массаж, подразделяемый на разные категории; «Корейский эстетический салон» (массаж и ласки руками) и «Эстетический салон по-корейски» (то же самое, но массажистка будет обнаженной). Существуют и прочие изощрения, похожие друг на друга: «Китайские эстетические салоны», «Тайваньские эстетические салоны», «Сингапурские эстетические салоны», «секси-паб», «паб неглиже», «паб для вуайеристов», «кабаре на ощупь» и «массаж по-корейски в исполнении японской домохозяйки». В «кофешопах без трусов» почти голые официантки помогут достичь оргазма за определенный размер чаевых. В «кофешопе без трусов с караоке» обнаженные женщины поют дуэтом с клиентом до, после или во время достижения оргазма. В «шабу-шабу без трусов» вместо кофе подается горячий горшочек шабу-шабу.

Чем дороже, эксклюзивнее и респектабельнее заведение «мидзу сёбай», тем больше вероятность встретить среди obsługi японок. В самых захудалых местах в основном работают тайки, филиппинки, девушки из Китая и Кореи. «Западные женщины», то есть европейки, русские, американки и австралийки, обычно попадают в середине спектра от хостес до стриптизерш – в той зоне, где разговаривают и смотрят, но не трогают. Я упомянул спектр, однако будет правильнее говорить об оттенках серого, а не каких-нибудь ярких цветов.

В Японии практика платы за женское общество имеет долгую и благородную историю. Первые упоминания о гейшах – прекрасно обученных женщинах, которые развлекали мужчин, умели хорошо танцевать, играть на музыкальных инструментах, носить традиционный костюм и макияж, вести беседу, – датируются восемнадцатым веком. Прекрасные манеры и благопристойность отличали их от «ойран», или куртизанок, и обычных проституток, которые часто трудились при гостиницах и чайных домах. В 1920-х годах пошла мода на все западное, именно тогда и появились первые хостес – платные партнерши для танцев в популярных дэнс-холлах

и «девушки из кафе», чье общество и кое-что еще можно было купить наряду с чашкой кофе. В тот же период недолго, в качестве эксперимента, существовали своего рода светские гейши, которые вместо кимоно носили платья-чарльстон¹³ и играли не на сямисэне, а на пианино и гитаре.

«До сих пор расходятся мнения о том, являются ли современные девушки, развлекающие публику в ночном клубе или баре, такими же образованными, как гейши в старину. И тем не менее гейша постепенно им уступает», – писал великий американский историк Токио Эдвард Сейденстикер.

Самыми первыми иностранными участницами «торговли водой» были проститутки из Кореи и Китая, жительницы колоний довоенной Японской империи. В 1945 году во время семилетней оккупации Японии США прибыло и людей с Запада, но они были скорее покупателями, чем продавцами. Тогда же Роппонги и превратился в место развлечений. Название переводится как «шесть деревьев». До войны здесь был ничем не примечательный жилой район, в котором располагались казармы Императорской армии Японии. После капитуляции помещения казарм заняли американские военные. Вокруг них появились маленькие бары с названиями наподобие «Силк хэд», «Грин спот» и «Черри», обслуживающие солдат не при исполнении. Как раз в тот период сложился необычный девиз Роппонги. Местные заметили, что американские рядовые здороваются, хлопая друг друга по ладони высоко над головой. Возможно, как-то поздней ночью любопытный бармен-японец поинтересовался странным обычаем у своих клиентов, и они на пьяную голову долго пытались объяснить ему теорию и практику фразы «High five» – «Дай пять». Фразу коряво транслитерировали на японский и получилось «Хай таччи», или «Хай-тач»; отсюда и девиз под автострадой в Роппонги: «Хай-тач-таун»¹⁴.

В 1956 году в Роппонги открылся первый в Токио итальянский ресторан, положивший начало повальному увлечению экзотикой вроде пиццы и кьянти. Через два года на юге Роппонги открылась Токио-Тауэр, огромная красная телебашня, похожая на Эйфелеву. Неподалеку построила штаб-квартиру частная телекомпания «Ти Ви-Асахи», а в 1964 году в Роппонги появилась станция метро. Это был год Олимпийских игр в Токио, символизирующих переход страны из послевоенной нищеты к богатству и международному влиянию. К тому времени в городе уже функционировало множество хостес-баров, правда, с японским персоналом. В 1969 году, знаменуя рост финансового благополучия, в Роппонги открылся «Казанова» – первый токийский хостес-клуб с иностранками.

Японцев, которые были готовы платить за общение с хостес, всегда хватало. Обычно раскошеливалась компания: клубы считались вполне приличным местом, где подписывали договоры, отмечали успешные переговоры и награждали сотрудников за старания и труд. Открытие «Казановы» знаменовало собой появление новых клиентов «мидзу сёбай» – «белых воротничков» с иностранными партнерами, приличными доходами, высоким уровнем образования и достаточным знанием языка, чтобы общаться с иностранными хостес на английском.

«Казанова» считался невероятно дорогим местом, однако за дальнейшие тридцать лет за ним последовало множество более дешевых «кимпатсу» – «клубов с блондинками». Час в «Казанове» стоил 60 тысяч иен, а в заведении «Кай», открывшемся в 1992 году, и его преемнике «Кадо» – около 10 тысяч иен. Первые клубы нанимали девушек-туристок прямо с улицы. Вскоре владельцы баров стали размещать объявления в иностранных газетах и журналах и даже посылать агентов за границу, чтобы нанимать и импортировать подходящих молодых женщин. Но все же в Роппонги хостес-клубов с иностранными работницами, не считая стриптиз-бары,

¹³ Популярны в 1920-х годах платья до колена на тонких бретелях с заниженной талией и несколькими ярусами широких оборок.

¹⁴ К сожалению многих жителей Роппонги, в 2008 году эти слова стерли. – *Примеч. авт.*

было не так уж много. При Люси в список входили «Казанова», «Кадо», «Винсент», «Джей коллекшн», «Уан айд Джек» (самый большой из всех, дочернее заведение «клуба для джентльменов» «Севенс хэвен») и «Касабланка».

Энни Эллисон в 2000 году преподавала культурную антропологию в университете Дьюка в Северной Каролине, где работал и Роберт О. Кеохейн¹⁵. В 1981 году, будучи аспиранткой, она четыре месяца прослужила в японском хостес-клубе в Роппонги, где оказалась единственной иностранкой. Исследование, проведенное там, стало основой ее докторской диссертации, позднее опубликованной без сокращений отдельной книгой «Ночная работа: сексуальность, удовольствие и корпоративная маскулинность в токийском хостес-клубе». Большая часть текста представляла собой тщательно аргументированную и основанную на теории научную работу, насыщенную фразами вроде «фаллическое самовосприятие» и толкованиями японских понятий, например «дзи-кокэндзиёку» («желание показать себя и заслужить одобрение»). Однако там встречались и весьма комические моменты, такие как описание встречи невозмутимого и доброжелательного культурного антрополога-аналитика с невротически подавленными завсегдатаями «Плавучего мира».

«Я сидела за столиком с четырьмя мужчинами, всем было около сорока, – пишет профессор Эллисон в „Ночной жизни“. – Они спокойно и взвешенно рассуждали об отношениях между Соединенными Штатами и Японией, об университетах, путешествиях и так далее. В какой-то момент подошла мама-сан. Она спросила, как у них дела, и сказала одному из клиентов, что с каждым визитом в клуб он выглядит все привлекательнее. Хозяйка доверительно улыбнулась, пожелала приятно вечера и направилась к другому столику.

Один из мужчин заговорил о пении под караоке в клубах и признался, что это отнюдь не удовольствие, а скорее обязанность. „Это неизбежно (шо-га-най)“, – заявил он. Кто-то спросил, какой у меня рост, и мужчины по очереди стали хвастать, какие большие у них пенисы. Один уверял, что его орган длиной 50 сантиметров. Другой развел руки сантиметров на 60. Еще один сообщил, что у него такой большой, что он мог бы прыгать через него, как через скакалку, поэтому ходить с ним очень неудобно.

Потом подозвали другую девушку-хостес, а меня пригласили к следующему столику».

Профессор Эллисон описывает динамику появления в клубе новой группы «белых воротничков», как другой антрополог описывал бы обряд инициации в Микронезии. Вначале напряженная тишина, пока коллеги – начальство и подчиненные, молодые и средних лет, – расслаиваются в предвкушении ночи гарантированного «веселья». Затем облегчение, когда подают пиво и мидзувари, и тенденция к нетрезвому поведению еще до того, как осушен первый бокал. Наконец, сигнал, что вечер по-настоящему начался: навязчивое упоминание груди одной из присутствующих хостес под громкий хохот, а также, как выразилась профессор, «тычки» – легкие шлепки по груди под довольное фырканье других клиентов.

«Разговоры о груди стали сигналом о том, что настала пора поиграть, – пишет профессор Эллисон. – Замечания насчет груди неизменно вызывали одну и ту же реакцию: удивление, веселье и облегчение».

Впрочем, антрополог утверждает, что в целом атмосфера клуба не отличалась особенной грубостью. «Когда мы начинали, нас учили трем вещам, – писала она позднее в очерке. – Как зажигать сигареты клиенту, как разливать напитки и не класть локти на стол. Нам также советовали не есть в присутствии гостя – это признак неуважения. Не считая этих правил, работа заключалась в исполнении желаний клиента. Если ему нужна вульгарная девушка, будь вульгарной. Если интеллигентная – будь интеллигентной. Если он хочет пошлятины, он ее полу-

¹⁵ Известный американский политолог, придерживающийся неолиберализма в теории международных отношений.

чит. Мерзко? Да. Унизительно? Да. Работа отличалась от торговли „белыми рабами“ только в одном: к сексу никого не принуждали».

Общественные таксофонные будки в Токио обклеены рекламными листовками, предлагающими обычных проституток. Услуги хостес-клубов специфичнее и дороже. Вопреки ожиданиям, чем дороже и элитнее клуб, тем меньше разрешается трогать и хватать.

«Некоторые заведения „мидзу сёбай“ допускают мастурбацию мужчины для достижения эякуляции, – продолжает профессор Эллисон. – В хостес-клубах, напротив, оргазм происходит исключительно за счет собственной фантазии.

Японский секс, как и японское общество, упорядочен и организован. Мужчины здесь предпочитают заранее точно знать, чего от них ждут и как они должны себя вести. И они в курсе: единственное, что предлагается в хостес-клубах, – это возбуждение... Мама-сан, владелица и управляющая моим клубом, очень четко давала понять: прикосновения клиента время от времени допустимы, а вот секс – грубое нарушение. Однако большинство клиентов – по крайней мере японцев – и не ждали секса. Они были настроены на флирт и лесть, и они их получали.

На таких условиях можно со многим мириться. Некоторые разговоры были оскорбительными, некоторые нет, но главное – продолжать беседу. Сегодня вечером ты можешь обсуждать Чайковского с очаровательным и вежливым джентльменом, а завтра тот же человек поинтересуется, сколько раз за ночь ты кончаешь и когда потеряла девственность, или сравнит твою грудь с бюстом двух других девушек за столиком. Работа хостес – улыбаться и притворяться, что считаешь клиента веселым. Убедить его, что он самый чудесный, самый важный человек в мире, что ты мечтаешь с ним переспать. Японцу хочется верить, что высокая красивая женщина с европейской внешностью без ума от него, что она находит его удивительным и сегодня же станет его любовницей. Клиентам нравилось говорить о сексе, причем иногда разговоры становились совершенно недвусмысленными и перерастали в предложения, но к концу вечера вы просто расходились в разные стороны. Ни удивления, ни разочарования – потому что никто ничего и не ждал.

Ты говоришь ему, что мечтаешь стать его любовницей. Он приглашает тебя к себе. Ты уверяешь, что ты бы с радостью, вот только к тебе приехала сестра и надо показать ей достопримечательности. Именно такого ответа и ждет клиент. Возможно, он даже не на шутку испугается, если ответить по-другому.

Единственными людьми, кто нарушал правила, были иностранцы, мужчины с Запада, не способные понять тягу японцев к ритуалам и ролевым играм. Помню, как взбесился один француз, когда девушка-хостес отказалась идти с ним в отель. „Почему, черт ее дери, она весь вечер ко мне липла, если теперь не хочет со мной спать?“ – взорвался он».

Основная идея книги «Ночная работа» заключается в том, что профессия хостес – это труд, а не секс. Поощряя, а то и оплачивая развлечения офисных работников и деловых партнеров с девушками-хостес (а не дома с женой и детьми), японские корпорации помогают сотрудникам снять стресс и избавиться от хандры, что идет на благо руководства, поскольку помогает наладить отношения с коллегами и клиентами. Хостес-клуб является и отдыхом, и работой. Расписывая как служебные, так и внеслужебные часы сотрудника, компания призывает в первую очередь выказывать преданность работе, а не семье. «В начале вечера клерки выглядят уставшими, им меньше всего хочется напрягать мозги, чтобы развлечь партнера по бизнесу или женщину, – пишет профессор Эллисон. – Хостес решает эту проблему. Она обихаживает клиента, льстит тому, кто платит, и делает его в глазах других важным и влиятельным человеком... Если бы тот же самый клерк пришел на дискотеку, вряд ли ему удалось бы закадрить женщину, и он вернулся бы домой расстроенный и униженный. Хостес-клубы исключают подобный провал».

Как западные женщины вписываются в столь непривычную схему? Правда, по словам профессора, заключается в том, что для клиента они представляют собой экзотическую новинку.

«В своих фантазиях японские мужчины непременно хотят переспать с женщиной европейской внешности, однако их пугает таковая в качестве настоящей жены или любовницы, – пишет Энни Эллисон. – Вероятно, мы их интригуем, к тому же водить знакомство с западными женщинами весьма престижно. Но японцам известно, что у нас на все есть собственное мнение, мы не приучены подчиняться и прислуживать». Отсюда, по согласию всех сторон, и рождается фантазия, которая живет лишь один вечер и только в клубе. К тому же само заведение действует под внимательным присмотром менеджера, официантов или мамы-сан. «Не могу сказать, что мне очень нравилось быть хостес, – пишет профессор Эллисон. – Работа тяжелая и по большей части унижительная. Надо сидеть и вежливо улыбаться, в то время как мужчина спрашивает, пукаешь ли ты, когда писаешь. И даже когда он повторяет это в десятый раз, по-прежнему надо улыбаться. Не очень-то приятно. Но мне ни разу не было страшно, меня не оскорбляли, и с любой ситуацией я могла справиться. А если бы я оказалась в беде, ко мне на помощь пришла бы мама-сан. В Токио, даже в квартале Красных фонарей, я чувствовала себя куда спокойнее, чем в Нью-Йорке».

Если бы работа хостес действительно ограничивалась пространством клуба, Люси Блэкман была бы жива. Но все устроено намного сложнее. Как только девушка вступает на стезю «мидзу сёбай», она становится объектом давления и соблазнов, которые помимо ее воли отбрасывают тень на ее жизнь в Японии.

Хостес тесно связаны с тем, что по-японски называется «шисутему» («система»), – назначаемым в каждом клубе размером оплаты для клиентов и денежного поощрения для сотрудниц. В «Касабланке» клиент платил 11 700 иен в час (на тот момент – около 73 фунтов), куда входили пиво или мидзувари в неограниченном объеме и общество одной или более девушек. Кроме того, новой хостес, такой как Люси, доплачивали 2000 иен (около 12,5 фунтов) в час. За пять часов работы за вечер хостес зарабатывала 10 000 иен, при шестидневной неделе выходило около 250 000 иен в месяц (1600 фунтов). Но зарплата служила лишь частью распределения навязываемых бонусов, которые составляли ядро «системы».

Клиент мог «заказать» девушку, которая понравилась ему в предыдущий раз. За это он платил дополнительные деньги, а хостес получала 4000 иен в качестве бонуса за развитие бизнеса. Если гость брал в баре шампанское или «именную выпивку» – личную бутылку дорогого виски или бренди, которую хранили исключительно для него, – присутствующие хостес делили вознаграждение между собой. Девушек поощряли ходить на доханы – свидания. Хостес ужинали с японцами, которым понравились, а затем снова приводили их в клуб. Мужчина получал удовольствие от вечера в приятном месте с привлекательной молодой женщиной, хостес доставались освобождение от работы и бесплатный ужин, а клубу – дополнительный клиент.

Доханы считались обязательными. В некоторых заведениях двенадцать доханов в месяц приносили бонус в размере 100 000 иен, то есть больше 600 фунтов. В большинстве клубов, включая «Касабланку», любую девушку, у которой насчитывалось меньше пяти доханов в месяц и пятнадцати личных «заказов», попросту увольняли. Приглашение на дохан для многих хостес становилось навязчивой идеей и источником мучений. Девушки не только соглашались поужинать с мужчиной, который им не нравился; когда месяц подходил к концу, показавшая плохие результаты хостес шла на дохан с кем угодно. Чтобы добрать норму, хостес даже нанимали знакомых мужчин, а иногда перед угрозой неминуемого увольнения сами платили за дохан.

– В раздевалке у туалета висел график с именами всех девушек и количеством «заказов» и доханов за текущий месяц, – рассказывала Хелен Дав. – И если напротив имени стоял

ноль, работницу активно стыдили. У меня дела шли не очень, я вечно оказывалась почти в самом низу списка. А потом мне стало наплевать. Энтузиазм совсем угас, и я с большим удовольствием болтала с другими девчонками. Всё лучше, чем притворяться, будто мне нравятся японцы. У меня набрались только один-два дохана и несколько «заказов». Под конец я даже попросила своего арендодателя притвориться моим доханом.

Хелен уволили за неделю до исчезновения Люси.

В атмосфере соревновательности в «Касабланке» девушки и дружили, и соперничали. Но Люси и Луиза ладили почти со всеми.

– Они были очень близкими подругами. Всё делали вместе, – вспоминала Хелен Дав. – Вместе жили, вместе ездили на работу на велосипедах, даже развлекались вместе. У них сохранялись прекрасные отношения. Мне они казались... не знаю, наивными и очень молоденькими, немножко глупыми, немножко изнеженными. Они обычно целовались при встрече, даже если провели порознь всего несколько часов. Так мило. Как и многих других, Хелен поражало внимание, которое Люси уделяла волосам, одежде и макияжу.

– Я бы не назвала ее сногшибательной, но жизнерадостная натура делала ее привлекательной, – рассказывала девушка. – По-моему, неуверенностью в себе она не страдала. Прелестные волосы, прелестный характер, симпатичная, высокая.

Клиентам она тоже нравилась.

– Она отличалась от канадок или американок с их широкими улыбками, чересчур ярких и шумных, – признавался мистер Имура, издатель и любитель ловли кальмаров. – Во время разговора никогда не доходила до крайностей.

Люси сразу же произвела впечатление и на мистера Ватанабэ, «фотографа»:

– С первого взгляда я понял, что она из хорошей семьи. Она выглядела нежной, элегантной, очаровательной и ухоженной... Я увидел в ней хорошо воспитанную, образованную, культурную и чувствительную особу.

«Это, конечно, не работа моей мечты, но дается она легко, – писала Люси по электронной почте Сэм Берман. – Я прекрасно зарабатываю, и отношение к нам совсем не такое, как в Великобритании. Мужчины держатся уважительно. Ясное дело, попадаютсся и странные клиенты, но пока что я познакомилась с несколькими очень приятными людьми».

«Станным» она, возможно, сочла клиента, который предложил ей 10 000 фунтов за ночь. По той версии, которую Люси рассказала маме и сестре, она отшутилась. Однако Луиза говорила, что подруга пришла в бешенство и попросила менеджера выгнать наглеца.

Хостес должны были брать визитки у мужчин, которых они развлекали, звонить и писать им, чтобы тем захотелось вернуться в клуб. Сохранилось несколько писем Люси. В них она явно нашла верный подход – невинный флирт и уклончивое кокетство.

От:lucie.blackman@hotmail.com

Кому: Имура. Хадзимэ

Дата: 21 июня 2000 года, среда, 3:01

Дорогой Хадзимэ!

Я просто решила поздороваться. Это Люси из «Касабланки», девушка из Лондона, с длинными светлыми волосами, с которой Вы так мило беседовали...

Мне было очень приятно познакомиться с Вами той ночью в клубе. Мы и правда интересно поговорили, и я буду рада поужинать с Вами в ближайшее время, как и договорились.

...Я позвоню Вам в среду между 12:00 и 16:00, чтобы запланировать встречу. Может, у Вас найдется время на следующей неделе?

Что ж, мне пора, отправляю письмо. Надеюсь, утром у Вас найдется пара минут в Вашем очень плотном графике, чтобы прочесть мое послание. И я позвоню днем, чтобы наконец поговорить со своим новым милым другом.

Надеюсь, день у Вас пройдет хорошо. У меня точно все будет хорошо, ведь я скоро смогу с Вами пообщаться.

Берегите себя,

Люси х

От: Имура Дадзимэ

Кому: lucie.blackman@hotmail.com

Дата: 21 июня 2000 года, среда, 17:30

Здравствуй!

Спасибо за письмо!

Как дела, Люси, красавица с длинными светлыми волосами?

Мне всегда нравились девушки со светлыми волосами и в коротких юбках.

Надеюсь, у тебя все хорошо.

Какую кухню ты предпочитаешь: французскую, японскую, китайскую или другую?

Выбери что-нибудь, и мы сходим в ресторан поужинать. Как насчет следующего вторника? Ты свободна?

Кстати, ты говоришь на американском английском? Я не очень хорошо говорю на языке Королевы, потому что каждый день ем рис и мисо-суп. Мне кажется, ты понимала далеко не все, что я говорил в тот вечер. Но тебя я понимал. Так что, пожалуйста, шепчи мне на ушко все, что тебе хочется сказать.

В общем, наслаждайся жизнью в Токио...

Хадзимэ Имура

Секрет успеха хостес заключается в том, чтобы обрасти постоянными клиентами, которых привлекает не столько бар, сколько сама девушка. Они поддерживают статистику «заказов», бонусов за выпивку и доханов. Без хотя бы нескольких постоянных клиентов выжить довольно трудно. Но у Люси с самого начала дела пошли отлично.

«У меня есть друг... который уже больше недели приходит каждый вечер, – писала она Сэм Берман. – Это отлично, потому что он очень хорошо говорит по-английски, достойно выглядит и вроде как аристократ, а значит, богач!.. Если мне вдруг будет не хватать „заказов“, он обещал прийти в любое время». «Друга» звали Кендзи Сузуки¹⁶, и он стал самым постоянным из всех постоянных клиентов Люси, ее спасителем в служебных затруднениях, но и эмоциональным бременем.

За сорок, не женатый, в крупных очках в металлической оправе, с выразительными скулами и волнистой челкой, Кен, возможно (а возможно, и нет), был выходцем из старинного рода давно исчезнувших японских аристократов-феодалов, но он, без сомнений, владел изрядным состоянием. На пару со своим пожилым отцом он руководил компанией, занимающейся электроникой, однако к 2000 году у семейного бизнеса начались проблемы. В многочисленных письмах Кена к Люси сквозь показное оживление и веселье проскакивали тревога и одиноче-

¹⁶ Псевдоним. – *Примеч. авт.*

ство. Он рассказывал о напряженных переговорах с клиентами, об изнурительных командировках в Осаку. Иногда Сузуки оставался в офисе до одиннадцати вечера, а в шесть утра снова возвращался туда на сверхскоростном экспрессе. Выпивка и Люси служили ему моральной поддержкой. «Я не объяснять для тебя трудности и обстановку на работе, – писал он девушке на своем бойком, но не всегда правильном английском. – Представь, это ерунда. Я пил сутки напролет, но я никогда не стал улыбаться, пока не встретил тебя! Ох, вот я бедолага, охoho».

Он познакомился с Люси, когда та работала в «Касабланке» вторую неделю. За исключением дней командировок Кендзи почти каждый день писал ей письма и приходил в клуб. Он увлекся Люси даже не как мужчина, а как ребенок, и его инфантильная жалкая страсть находила отражение в частых визитах. В электронных письмах она раскрывалась в избыточных подробностях.

«Спасибо тебе за терпение прошлой ночью, – писал Кен в первом послании. – Сейчас я могу только сказать, что уверенно буду завидовать твоему будущему бой-френду в безумном Токио».

Назавтра Сузуки извинялся: «Я был слишком пьян вчера и всегда, а я хочу говорить с тобой, когда я трезвый и нормальный. Тебе может стать очень скучно, ха-ха-ха-ха-ха».

Еще через три дня: «Ты мне нравишься, потому что ты настоящая. Я знаю, ты самая ПРРРРРРРЕЛЕСТНАЯ девушка на свете сейчас... Скоро увидимся! Кеннннниииииииииииииии».

Люси как-то призналась, что скучает в Японии по черным оливкам. На первый дохан Сузуки повел ее в ресторан, где на столике по его просьбе их уже ждала целая чаша черных оливок. Затем Кен заметил, что на часах Люси треснуло стекло; он отремонтировал их, а вдобавок подарил новые часы с песиком Снуппи. «Кений такой милый, – писала Люси Сэм. – На прошлой неделе в пятницу вечером он снова пригласил меня на ужин, заехал за мной на своей маленькой спортивной „альфа-ромео“ черного цвета и повез в красивый ресторан в отеле на двенадцатом этаже с видом на Токио. Там шикарно. А потом он пошел со мной в клуб, и я получила бонус – 4000 иен».

«Завтра мне надо встать очень рано утром для важной встречи, – писал Кен объекту своей страсти 24 мая. – Но я забегу сегодня вечером в „КБ“, чтобы глянуть на твое лицо, хоть и не смогу поболтать».

А меньше чем через два часа: «Полагаю, для тебя еще рано говорить, что ты обещаешь поужинать со мной не только завтра вечером. Возможно, ужин со мной очень скучно и неприятно выдержать. Просто предупреждаю. Ха-ха-ха-ха-ха».

Через неделю: «По правде говоря, ты не оставляешь мои мысли ни на секунду... Конечно, я очень интересуюсь узнать тебя получше. Хотя я чувствую, что очень хорошо тебя знаю. Возможно, ты хочешь узнать меня много-много-много. Как тебе кажется? Как тебе? Верно? Я сильно рекомендую, чтобы ты делала осторожно с этим славным мужчиной. Он милый, умный и сексуальный, ха-ха-ха-ха-ха-ха...»

И 5 июня: «Дорогой мой милый друг Люси, ты спасла меня. Я только что пришел после тяжелых и дерьмовых (ооооой!) переговоров. Хотя сегодня понедельник, я почти чувствую, что сегодня уже четверг. Мой резервуар для шуток (другие люди говорят „мозг“) умирает. Сегодня он как бы очень возбужден, но устал. После обеда я взобрался на вершину Эвереста, а поздно вечером скатился на дно Марианской впадины в Тихом океане, слишком много вверх-вниз задень. Однако прямо сейчас я выплыл на поверхность, потому что твое милое письмо – как спасательный жилет... Прости, пожалуйста, мой письменный английский. Я уверен, что иногда тебе кажется, что ты общаешься с папуасом или семилетним мальчиком».

«Кен очень устал сегодня, поэтому работать было трудно», – записала Люси в своем дневнике. Через несколько дней: «Кен... абсолютно измотан – по-моему, самый худший вечер!» Однако такие отношения ее, видимо, не смущали. Мужчина более чем в два раза старше ее,

одиноким, пьющим, без друзей и привязанностей, сходил по ней с ума. В тяжелый для его компании период Сузуки тратил тысячи фунтов, проводя с ней каждый вечер. Вместо того чтобы насторожиться, Люси охотно изображала радостную, трепетную и благодарную возлюбленную. И такое поведение хостес считалось нормальным. Более того: являлось ее обязанностью. Нерешительный, порядочный, потерявший голову и богатый, Кен был идеальным клиентом. Если бы она его не поощряла, лишилась бы работы.

Хостес в Роппонги, менеджеры и официанты баров, даже исследователи вроде той же Энни Эллисон, твердили одно и то же: профессия хостес является игрой по четким и строгим правилам, и все – не только девушки, но и клиенты – инстинктивно понимают, где проходят границы. Но вдруг под влиянием одиночества, алкоголя, любви или одержимости рассудок клиента помутнел? Вдруг одна из сторон забыла о правилах?

«Я не согласен с тем, что я безумный, хотя многие люди так говорят, – писал Люси Кендзи Сузуки. – Ладно. Даже если я безумный, я был совсем не безумный с тобой прошлым вечером и никогда не буду безумный с тобой в ближайшем будущем. Не волнуйся! Наверное, скоро ты сама будешь иногда безумная и злая на меня... Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха».

Токио-город контрастов

«С момента приезда в Токио до покупки дневника столько всего случилось, – писала Люси. – Прошло только 20 дней. Мы поселились в „помойке“, но постепенно превратили ее в свой дом. Мы пережили тотальное голодание и снова набрали лишние килограммы за счет алкоголя. Мы нашли работу хостес в клубе под названием „Касабланка“. За эти двадцать дней мы выпили столько, сколько не пили за всю свою жизнь...

Эти три недели стали безумно тяжелыми и в эмоциональном плане. Токио – город контрастов. Либо паришь воздушным змеем высоко в небе, либо падаешь ниже самого нижнего уровня... сплошные крайности».

Следующая страница дневника полностью исписана гигантскими, наезжающими друг на друга и по-разному раскрашенными буквами в стиле граффити, складывающимися во фразу: «ТОКИО РУЛИТ».

«Касабланка» работал до 2 ночи либо до последних клиентов. Девушки помогали гостям одеться, неверной походкой провожали их до обитой кожей двери и горячо благодарили в ожидании лифта:

– До свидания, Ямада-сан, до свидания, Имото-сан! Пожалуйста, приходите еще! До свидания, скоро увидимся!

После этого работницы вновь исчезали внутри, меняли платья на повседневную одежду и выпархивали во влажную темноту.

И когда иностранки-хостес выходили из клубов, ночь в Роппонги принимала новый оборот. Перед девушками стоял очевидный и неизбежный выбор. Если пойдешь домой, то успеешь выспаться и что-нибудь сделать: прибраться в комнате, сходить в магазин, пообедать с подругой. Если останешься – будешь пить до рассвета.

У иностранных банкиров есть поговорка: «В Роппонги не знают, что такое один бокал». И Люси испытала это на себе.

«Прошлая неделя была легким безумием, – писала она Сэм. – Почему-то я напиваюсь в стельку каждую ночь, начиная со среды. После работы нас много угощают, а поскольку работаем мы минимум до двух, то даже не замечаем, что уже семь утра, а мы все еще кружим по улицам Токио. Здесь такие классные бары, что просто не устоять».

На перекрестке Роппонги находился «Джеронимо» – тесный, шумный бар, украшенный отрезанными концами дорогих шелковых галстуков, которые пьяные банкиры оставляли там в подарок. Табличка в заведении «Кастильо» предупреждала, что иранцам вход воспрещен, а в качестве диджея там выступал знаменитый Аки с непревзойденной коллекцией записей 1980-х. В «Уолл-стрит» на висящем над баром экране показывали курс акций. Самым развратным клубом считался «Гэспаник», теснейшая дыра для любителей выпить и потанцевать. У хостес наибольшей популярностью пользовалось «Токио спорте кафе», принадлежащее тем же владельцам, что и стрип-клубы «Севенс хэвен» и «Прайвит айз», а также соседний хостес-бар «Уан айд Джек». Глубокой ночью девушкам редко приходилось долго дожидаться угощения выпивкой. В «Спорте кафе», как и в клубах, им платили процент от стоимости вина и шампанского, которыми их потчевали друзья мужского пола. Уволенная из «Касабланки» Хелен Дав некоторое время таким образом и зарабатывала себе на жизнь – зависая в «Спорте кафе» и получая каждую ночь по 50 фунтов вознаграждения за напитки, которыми ее угощали.

Люси любила шумные компании по ночам или ранним утром после работы. Но больше всех ими наслаждалась Луиза.

Однажды в субботу Кен Сузуки повел Люси ужинать. После этого она сидела в интернет-кафе и писала письма, а в полночь встретила с Луизой. В «Джеронимо» оказалось полно знакомых лиц. Девушки пили шоты с чистой текилой. Луиза вскоре дошла до кондиции и завязала разговор с человеком по имени Карл. «Потом мы отправились в „Уолл-стрит“, – писала Люси в дневнике, – где ночь постепенно превратилась в тихий ужас».

Луиза познакомилась с еще одним мужчиной. Люси признала, что он «симпатяжка», но ей новый друг показался опасным. Как написала девушка, он напомнил ей двуличного бывшего бойфренда Марко, который доставил ей столько неприятностей. «Но Лу к тому времени уже слишком напилась, чтобы что-то соображать». Они втроем покинули «Уолл-стрит» и переместились в клуб под названием «Дип-блю», где Луиза решила, что хочет добавить. Люси продолжала: «Мы встретили там нескольких друзей, и я неплохо проводила время – а потом Лу пошла вразнос».

Появилась подружка нового знакомого Луизы, но та не замечала ее кипящей ревности. «Лу все больше теряла контроль над собой, ничего не соображала и с удовольствием целовалась с этим парнем прямо на глазах его девушки». Внезапно музыка оборвалась, зажегся свет, и весь клуб стал свидетелем драки пяти человек прямо на танцполе. «Та девица набросилась на Лу, – писала Люси. – Я на нее, парень на Лу, я на парня, парень на меня, вышибала на парня – в конце концов, я схватила сумки, вернулась за Лу, и мы побежали к лифту. По пути к нам привязался какой-то псих, но мы все-таки добрались наконец домой».

– Я ни разу не слышала от Люси, что ей там хорошо, – рассказывала Софи. – Уверена, что она гуляла и напивалась, веселилась на всю катушку, но вряд ли была счастлива. Я так говорю не из-за того, что с ней случилось, я правда считаю, что сестра страдала. Помню, я и сама мучилась из-за того, что она несчастна. Тут мы с ней похожи. Мы... по большей части тянемся за другими. Если вокруг меня все напиваются, я тоже напьюсь. Если все читают книги в библиотеке, я тоже пойду в библиотеку. Не то чтобы я каждый раз действую против собственной воли, но ведь стремление стать своей в компании вполне понятно. Люси умела добиться популярности, и ее все любили. Однако, став старше, она ввязалась в авантюру, которая совершенно ей не подходила. Мне кажется, в Японии Люси чувствовала себя лишней. У меня довольно

быстро сложилось впечатление, что ей там грустно и приходится постоянно притворяться: она ходит по клубам, веселится, но чувствует себя не в своей тарелке.

Люси много думала о доме и тех, кто остался в Британии. Однажды ночью в «Джеронимо» диджей поставил песню Стинга «Золотые поля», которая напомнила ей об Алексе, молодом австралийском бармене из Севеноукса. «Даже не представляю, каково будет наконец снова его увидеть, – писала девушка в дневнике. – У меня внутри все переворачивается, когда я думаю об Алексе. Иногда кажется, что мы встретимся уже завтра, а иногда – будто ждать еще целую вечность. Все мои мысли только о нем... как мы возьмемся за руки, как его красивые глаза будут вглядываться в мои, как он прикусит нижнюю губу... Даже в баре, уставшая, окруженная мужчинами, я все время думаю о нем».

Как всегда, проблему представляли и деньги. В конце мая, через три недели после приезда в Токио, Люси составила привычный финансовый отчет. Ее долги – включая займы в двух банках, превышение кредитного лимита, задолженность перед отцом и матерью, счета за обслуживание кредитки и «кровать принцессы» – составляли 6250 фунтов. Минимальные выплаты по всем статьям плюс аренда комнаты в Сасаки-хаусе, прокат велосипеда и скромные 20 000 иен в неделю на повседневные расходы полностью съедали весь заработок. Стало очевидно: чтобы хоть частично расплатиться с долгами, уйдут месяцы, и от первоначального плана вернуться домой в начале августа придется отказаться. «Я ничего не могу поделать, только смириться, – писала Люси. – Меня душит чувство, что у нас с Алексом ничего не выйдет, и дом как будто удаляется от меня. Я очень остро ощущаю, что заблудилась, не понимаю, куда иду. Потому что каждый раз, когда я вроде бы принимаю решение, все тут же меняется».

Но у Люси были и другие переживания. И они терзали ее сильнее финансов или тоски по бойфренду. Девушка излила их в отчаянной, пронизанной одиночеством и сделанной, похоже, под хмельком записи в дневнике через три недели после приезда в Японию.

«Дата: 26.05, 5:50 утра

Не знаю, в чем дело, но этот город, похоже, вытаскивает наружу мои самые темные стороны. У меня все время глаза на мокром месте и ужасно болит живот – физическое проявление глубокой подавленности. Я постоянно реву, и слезы не текут по одной, а прямо-таки ручьями.

Мне здесь плохо. Никак не могу выбраться из болота, в которое сама же и угодила.

Пришлось бросить Лу с Кинаном в „Спорте кафе“, насколько мне стало невыносимо. Жизнь превратилась в беспрерывный кошмар.

Я чувствую себя уродкой, жирдяйкой, невидимкой и постоянно ненавижу себя. Я такая посредственность. Каждая часть меня с головы до пят совершенно посредственная. Видимо, я тронулась умом, надеясь сбежать от себя. Ненавижу себя, ненавижу эти волосы, это лицо, этот нос, азиатские глаза, родинку на лице, зубы, подбородок, профиль, шею, сиськи, жирные бедра, толстый живот, отвислую задницу. Я **НЕНАВИЖУ** это родимое пятно, эти позорные ноги, я такая безобразная, уродливая и посредственная.

Я по уши в долгах и просто обязана работать как следует. У Лу выходит отлично, и я по-настоящему счастлива за нее – но из меня дерьмовая хостес. Всего один дохан, да и то благодаря Шэннон; еще с одним меня кинули. Каким же дерьмом надо быть, чтобы тебя продаминали с доханом? Сейчас у меня только Кен – но сколько он продержится? К Луизе мужики наперегонки бегут, чтобы „заказать“ ее, а мне достаются лицемерные отказы и кидалово.

Ниши намекнул Лу, как себя вести, и она прекрасно поняла намек. Она так легко влилась в процесс – заводит новых друзей пачками, а я, как обычно, как всегда и везде, одинока.

И проблема не в Севеноуксе, а во мне.

Я никому не могу описать это чувство собственной посредственности и абсолютного отвращения к себе. Сама не пойму, откуда оно. Я даже пыталась объяснить это маме и Лу – но они сочли меня глупенькой. А я чувствую себя так постоянно. Что я невидимка, никто, никому не нужна и никогда не буду, как все.

...Знаю, в последний год у Лу тоже не все гладко, но она никогда не чувствует себя пустым местом.

Ею увлекаются самые красивые мужчины. Она точно знает, что заслуживает лучшего, и сияет все ярче и становится все увереннее в себе. Вот честно, и пусть это звучит глупо, но я жутко устала от внутренних терзаний и чувства одиночества, хотя мы вместе с Лу каждый день. Я устала от похмелья и вечных долгов. Иногда мне уже наплевать на то, что будет. Хочется просто исчезнуть. Я будто стою на краю и не знаю, что делать.

Я чувствую себя ненужной.

В любой стране я просто никто».

Мужчина по имени Кай Миядзава¹⁷ рассказал мне о работе хостес-клубов. Сам Кай где угодно привлек бы к себе внимание, но среди японцев среднего возраста особенно выделялся. Лет сорока пяти, красивое лицо с благородными морщинами, гладко зачесанные седеющие волосы завязаны в хвост. На встречу со мной он надел рубашку с цветочным рисунком, запахнутую на груди, ярко-оранжевые брюки, подпоясанные ремнем в бело-оранжевую полоску, и ковбойские сапоги. На шее – серебряная цепочка, на левом запястье – еще одна, а также массивные серебряные часы.

Кай мог бы служить живой историей хостес-баров с иностранками в Роппонги. В 1969 году, когда ему было восемнадцать, он зашел в первый кимпацу-клуб (заведение с блондинками) «Казанова», и его покорили работающие там красотки. Последующие двадцать лет большинство вечеров он проводил в Роппонги, потакая своей любви к светловолосым девушкам. Однажды друг заметил, что, раз Миядзава так нравятся иностранки, ему надо открыть собственное заведение. Клуб «Кай»¹⁸ открылся в 1992 году, через год наступил черед «Кадо». Дело продвигалось непросто, и хозяину пришлось потрудиться, чтобы получать доходы. Он постоянно был вынужден переезжать в помещения подешевле и улаживать проблемы с местными якудза, членами японской мафии.

– Бизнесмен из меня не ахти, – признался он мне. – Зато в девушках я разбираюсь.

Кай гордился клубом «Кадо». Как менеджер и владелец, он следил за хостес со страстью карточного игрока. Он знал все их слабые и сильные стороны и задействовал каждую девушку аккуратно и обдуманно, выбирая момент, сулящий наибольшую выгоду. Для невнимательного клиента, который неуклонно накачивается спиртным, смена хостес выглядит естественной, как приливы и отливы. Но Кай за барной стойкой контролировал весь процесс, точно Зевс, вззирающий на землю с горы Олимп.

Сам он выходил в зал очень редко, разве что ненадолго подсаживался к лучшим клиентам, чтобы обменяться любезностями. Работа Кая заключалась в том, чтобы следить за залом, воспринимать невидимые частоты и вибрации, которые окружали каждую хостес и ее клиента, оценивать ауру посетителей и ее изменения в течение вечера. Он чутко улавливал, до какого уровня «кондиции» дошел гость и какими методами его можно задержать.

– Если клиент остается всего на час, я ничего не заработаю, – пояснил Кай. – Он платит десять тысяч иен. Три тысячи я отдаю девушкам, минус аренда и выпивка, и у меня остается примерно две тысячи. Когда гость приходит всего на час, я не особенно о нем беспокоюсь. А вот если он останется дольше, тогда совсем другое дело.

Каждого нового клиента сажают с одной из самых привлекательных девушек. Это как медовый месяц с хостес: почтительное приветствие работников клуба, красивая хостес, согревающий виски, полумрак окутывает безвкусный интерьер пеленой эротических обещаний. Начинается общение, за которым бдительно следит хозяин.

¹⁷ Псевдоним. – *Примеч. авт.*

¹⁸ Название изменено. – *Примеч. авт.*

– Вначале я даю ему милую красивую девушку, – рассказывает Миядзаки. – А потом наблюдаю, как у них дела, нашли ли они общий язык.

Если нет, Кай шепнет пару слов на ухо официанту, а тот даст команду девушке номер один. Она вежливо извинится – и ее сразу же сменит хостес номер два, которой, возможно, удастся поладить с клиентом. Ей достаточно лишь задержать его до начала второго часа. Если она справится со своей задачей, значит, Кай все просчитал верно.

– Ровно через час и одну минуту я поднимаю эту девушку и перевожу ее к другому столу, а клиента оставляю с уродиной. Если он захочет снова пообщаться с хорошенькой, он может ее «заказать», это стоит три тысячи иен. Либо он говорит: «Я хочу снова ту». А вы отвечаете: «Простите, сейчас она занята, подождите полчаса». К тому времени пойдет уже третий час пребывания клиента в клубе, счет перевалит за тридцать тысяч и будет продолжать расти.

Надо просто наблюдать, – с улыбкой рассказывал Кай, точно опытный охотник, который делится воспоминаниями о подстреленном лосе. – Надо знать, о чем думает гость. Если он направляется в туалет и перед дверью смотрит на часы, то наверняка собирается уйти. И тогда пора задействовать лучшую сотрудницу клуба. Она встречает гостя прямо у двери, девушка его мечты. Не успеет он выйти из туалета, она протягивает ему горячее полотенце и за руку ведет его назад к столу. Клиент решит обойтись виски с водой, но его новая подруга захочет шампанского (тридцать тысяч за бутылку). Тик-так, тик-так: скоро пойдет четвертый час, как он здесь. За три часа и одну минуту гость потратит около пятисот фунтов. А потом девушка его мечты исчезает. Этих людей нужно понимать, читать их мозги изнутри. И тут я гений.

Один из его гениальных навыков состоял в подборе правильных девушек. Кай оценивал будущих хостес, как опытный торговец лошадьми.

– Девушки должны быть не старше двадцати двух, – делился он опытом. – Очень важно, чтобы они хорошо выглядели, имели цветущий вид. В клубе, где есть хоть одна красавица, остальные тоже кажутся симпатичнее. Роппонги – маленький район. Если хоть одна хостес хороша собой, молва о ней распространится по всему кварталу, люди начнут выстраиваться в очереди. В моем клубе в то время были самые красивые девушки, просто фантастические. В Токио они приезжали со списком клубов, где можно поработать, и первой строкой значился «Уан айд Джек», потому что он самый большой, а вторым шел мой «Кадр». А иногда он даже стоял на первом месте.

В период бурного развития бизнеса в начале 1990-х урожай девушек с улиц Роппонги уже не мог удовлетворить растущий спрос. Кай со своей женой-британкой, тоже бывшей хостес, размещали объявления за границей и ездили в Британию, Швецию, Чехословакию, Францию и Германию в поисках новых талантов.

Кай, как он сам упомянул, разбирался в девушках. Он любил иностранок, получал благодаря им хорошую прибыль. И презирал их. Свое неуважение к хостес он демонстрировал сплошь и рядом, хладнокровно и бесцеремонно. По сравнению с энтузиазмом, который он проявлял в рассказе о работе клуба, пренебрежение к собственным работницам шокировало. Но оно рождалось из неуважения хостес к самим себе, а также из личного отношения к ним Кая: снисходительного безразличия, граничащего с расизмом.

– Из них только десять процентов нормальных девушек, которые обладают индивидуальностью и знают, зачем приехали в Токио, – уверял он. – Всего десять процентов любят Японию, интересуются страной, культурой.

Большинство работниц, которых Миядзава нанимал в Токио, по его словам, были бюджетными туристками, которые застряли в Таиланде, на дурманящих южных островах с полуночными вечеринками и нескончаемыми потоками марихуаны, экстази и кокаина.

– У них просто заканчиваются деньги, а тут им говорят, что в Японии можно легко подзаработать. Вот они и приезжают, устраиваются в клуб месяца на три и, немного накопив, возвращаются в Таиланд. Здесь им не нравится. Они не уважают желтых людей и приезжают

только за деньгами. Девяносто процентов из них не могут найти работу в собственной стране, и только у десяти процентов действительно есть причины находиться в Японии. У большинства же нет никаких планов – они просто любят веселиться. Они принимают наркотики, охотятся за парнями. Без наркотиков никто не обходится. По выходным обязательно экстази, а потом дикий угар. Здешняя культура потребления наркотиков построена на сплошном безумии. Чуть получше себя ведут только девушки из Восточной Европы, потому что они высылают деньги домой своим семьям. У двадцати-тридцати процентов хостес есть сексуальные проблемы. В чем они заключаются? В том, что отец постоянно их насиловал. Они сами мне часто рассказывали, потому что со мной можно говорить на любую тему. Они признавались: «Знаешь, Кай, я по-прежнему сплю с отцом». Из-за этого они всегда озлоблены. Семьдесят-восемьдесят процентов еще на родине пережили развод. Вот такая история – совсем невеселая. У них нет друзей. Они не умеют поддерживать отношения. А потом едут в Таиланд и там наконец заводят приятелей, потому что встречают себе подобных. Общение строится на наркотиках. По выходным они объединяют всех. Наверное, девяносто процентов хостес спят со своими клиентами. Да, думаю, так и есть. Почему бы и нет? Ничего страшного, даже приятно, еще и хорошие деньги платят – никаких проблем!

В откровениях Кая сквозило столько презрения, что мне было трудно воспринимать их всерьез. Не верилось, что девять из десяти хостес по собственному желанию занимаются проституцией. Да и другая статистика вызывала сомнение. Всеми этими рассуждениями он лишь прикрывал личную женоненавистническую концепцию: все хостес – шлюхи. С другой стороны, конечно, среди стриптизерок и работниц клубов Роппонги хватало и таких женщин, которых он описывал, – наркозависимых, переживших насилие, потерянных. Но отвращение Кая демонстрировало общую тенденцию. Миядзава в последнюю очередь имел право судить хостес, ведь он сам их нанимал. Однако, несмотря на лицемерие, в чем-то он выражал мнение большинства японцев.

Проведя немного времени в Роппонги, привыкаешь к его оттенкам и учишься отличать официантку от хостес, стриптизерку от «массажистки». Но для большинства различия неочевидны, да и непринципиальны.

– Некоторые хостес не считают себя частью «мидзу сёбай», потому что не предлагают секс, – рассказывала Мидзухо Фукусима, представительница японского парламента, борющаяся за права иностранок в Японии. – Но, по мнению обывателей, они все равно работают в секс-индустрии.

Энни Эллисон писала: «В профессии хостес есть нечто грязное, ведь она возбуждает клиентов и принадлежит миру „мидзу сёбай“. Грязь, связанная с сексом, в свою очередь, исключает работницу этой сферы из числа претенденток на законный брак, а позже и на материнство с законнорожденными детьми... В культуре, где материнство считается „естественным“ состоянием женщины, представительница „мидзу сёбай“ якобы идет против природы. За это ее презируют, но из-за этого же ее и хотят».

Люси хандрела с конца мая по начало июня. Ко второй неделе июня настроение у девушки поднялось, и она снова начала размышлять о будущем. «Я изо всех сил борюсь с этими ужасными ощущениями, – писала она. – Но сегодня чувствую себя нормально. Я вдруг поняла, что не хочу оставаться здесь до ноября или декабря. Мне нужен свежий воздух, больше простора. Я мечтаю об этом с самого приезда».

В пятницу девушки вышли из своего клуба и заглянули в «Уолл-стрит» встретиться с новым бойфрендом Луизы, французом по имени Ком («как окончание названия бренда „Ланком“», – объяснила Люси в письме Сэм), который обещал привести с собой друга для Люси. Бар был переполнен, мужчины опаздывали. «Их не оказалось, поэтому мы взяли напитки и сели за столик, – писала Люси Сэм. – А потом в бар ЗАШЕЛ СЕКС-БОГ ВЕКА! Луиза быстро

его приманила, мы начали общаться, и он оказался просто милашкой. Его зовут Скотт, ему двадцать, он американец из Техаса, и у него такой акцент, что просто таешь. Голубые глаза, рост под два метра, широкие плечи, живот с „кубиками“, прямые русые волосы, классный зад, – он запросто мог бы стать моделью, но служит – ты не поверишь – в ВМС США!!! Ты представила его в форме?? Я тоже!» Девушка сразу придумала тактику поведения. «Я решила просто наслаждаться вечером, – писала она подруге. – Я не заискивала перед ним, как наверняка поступали многие, и не тащила его в постель, так что была в выигрышном положении. Держалась спокойно и уверенно – и он прилетел, как пчелка на мед».

Они отправились на старейшую дискотеку Роппонги «Лексингтон куин». Заказали шампанское, Люси и Скотт пошли танцевать. «Мы мгновенно поймали общий ритм. Он потрясающий танцор. Весь танцпол принадлежал нам, я была в восторге». Затем все четверо переместилась в третий бар под названием «Хайд аут». К тому времени уже начало светать. Ком безнадежно напился, и Луиза намеревалась проводить его домой. Скотт давно опоздал на электричку и не мог добраться до своего авианосца, поэтому Люси приняла непростое решение. Все еще помня о «Правилах», она выдала новому знакомому речь, которую про себя называла «отвальной», а потом пригласила к себе.

«Отвальную» речь она записала на отдельной странице дневника в разделе «Цитаты! Воспоминания о Токио»: «Слушай, ты красавчик, и наверняка сотни девушек мечтают затащить тебя в постель, но если ты ждешь того же от меня – ты ошибся адресом, так что отвали».

Добравшись до Сасаки-хауса, они поцеловались, но Люси не разрешила Скотту подняться в ее комнату. «Думаю, вначале он был немного разочарован, но ведь секса на одну ночь можно получить сколько угодно, тогда как каждому хочется любить и быть любимым. Так что благодаря сдержанности я определенно стала для него желаннее любой другой девушки. Я осыпала его нежными поцелуями, чтобы подразнить и удержать на крючке, подарила ему длинные теплые объятия... и это сработало!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.